

Библиотека проекта «История Российского государства»

Александр Спиридович

Записки жандарма

«Издательство АСТ»

1928

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спиридович А. И.

Записки жандарма / А. И. Спиридович — «Издательство АСТ»,
1928 — (Библиотека проекта «История Российского государства»)

ISBN 978-5-17-154786-8

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков. Александр Иванович Спиридович (1873–1952) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, служащий Московского и начальник Киевского охранных отделений. Мемуары Спиридовича охватывают период с момента поступления его в Аракчеевский кадетский корпус (1891) и до революционных событий 1905 года. Он был доверенным лицом государя, руководил охраной императора Николая II и его семьи в России и в зарубежных поездках. В его воспоминаниях подробно рассказывается, как работала царская охранка с тайными агентами, как раскрывались террористические заговоры партий эсеров, социалистов-революционеров, «Народной воли» и т. д. «Записки жандарма» имели гриф «Секретно» и были изданы впервые только после 1917 года в Берлине.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154786-8

© Спиридович А. И., 1928
© Издательство АСТ, 1928

Содержание

I	6
II	9
III	12
IV	14
V	19
VI	26
VII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Спиридович Записки жандарма

© В. Akunin, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

I

В Нижнем Новгороде, высоко над Волгой, почти в центре старого кремля, с его древними кирпичными, покрытыми мхом стенами и башнями, раскинулось покоем буро-красное здание Аракчеевского кадетского корпуса. Фасад корпуса выходит на кремлёвскую площадь, с кафедральным собором, корпусною церковью и казенными зданиями; одно крыло смотрит на свой садик-плац, другое же глядит с высоты Кремля на убегающую вдаль Волгу, на расстилающуюся за ней безбрежную даль лесов и лугов, на раскинувшиеся у слияния ее с Окой село Кунавино и ярмарку. Перед окнами корпуса – Мининский сквер с памятником-obeliskом гражданину Минину¹. У главного входа четыре медные, на зеленых деревянных лафетах пушки эпохи Александра I с громадными гербами графа Аракчеева², с его девизом «Без лести предан».

Корпус наш был основан на средства, завещанные графом, и находился сперва в Новгороде, откуда и перемещен в Нижний Новгород...

С трепетом я перешагнул его порог осенью 1884 года, явившись в корпус, как выдержавший вступительный экзамен.

Ближе всего к кадетам стояли воспитатели. Они были для кадет наставниками, руководителями и заменяли им, как могли, близких родных. В то время педагогических курсов для воспитателей еще не было. Воспитателями являлись простые, из строя офицеры, большей частью сами прошедшие кадетский корпус.

Были недалекие воспитатели, но они как-то быстро испарялись. Один штабс-капитан сапёр, назначенный к нам в отделение, додумался читать нам вслух «Бурсу» Помяловского. Мы веселились от души, слушая чтение, но после ухода воспитателя проделывали в классе на практике все, что проделывали бурсаки и до чего сами мы не доходили. Мы репетировали «лимоны» маленькие и большие, делали «смази всеобщие», «вешали соль», проделывали и многое другое. Но этот воспитатель, хотя и с ученым кантом, являлся печальным исключением и вскоре оставил корпус. Время его воспитательства осталось у нас в памяти каким-то сумбурным. Его подлаживания к нам, скабрзные рассказы с целью понравиться достигали обратных результатов. Мы не любили его, мы понимали, что он делает многое, чего не должен был делать...

Научное образование в корпусе было поставлено основательно. Преподаватели относились к делу добросовестно, учили хорошо, проверяли знания строго, и в результате, кадеты приобретали действительные познания в пределах программы. Слабее других предметов были поставлены языки. Говорить на иностранных языках не выучивались, кто же поступал в корпус, владея этими языками, тот уходил из корпуса, разучившись говорить на них.

Был между нашими преподавателями один небезынтересный тип, немного «красный», как говорили тогда, которого мы звали Иван Петров. Тучный, здоровый, с полным бритым лицом, медленной походкой и громким голосом, он преподавал физику и космографию.

¹ Минин (Кузьма Минин Захарьев Сухоруков) – русский национальный герой. Нижегородский гражданин, продавец мяса и рыбы, земский староста и начальник судебных дел у посадских (торговых) людей. Организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611–1612 годов, в период борьбы русского народа против польско-литовской и шведской интервенций. На другой день после венчания на царство, Михаил Федорович (1613) пожаловал Минину звание думного дворянина и вотчины. Умер Минин в 1616 году.

² Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834). При императоре Павле был петербургским комендантом, губернатором. При Александре I – военным министром, председателем военного Департамента государственного совета. Известен как организатор военных поселений, где с целью муштры были загублены сотни и тысячи душ крестьян. Аракчеев до самой смерти Александра I был всемогущим временщиком, подавлявшим всякую свободную мысль. Перед своей кончиной он пожертвовал 300 000 рублей для воспитания в Нижегородском кадетском корпусе бедных дворян. Граф не оставил наследников.

Он любил острить с кадетами над начальствующим персоналом, рассказывал на уроках, что происходило на педагогических комитетах, кто из воспитателей подавал голос против кадет, кто за и т. д. Разговаривая с классом, он часто не слушал, какую чушь нес отвечающий у классной доски кадет, и обращал на него внимание только тогда, когда тот, добравшись до конца, выкрикивал: «Что и требовалось доказать!», и ударял крепко мелом по доске. Иван Петров тогда оглядывался, смотрел в упор на отвечавшего и медленно произносил: «Ступай, садись», и ставил хороший балл, причем, ставя, говорил, как бы про себя: «Болваны».

В один из подобных ответов, когда Иван Петров был особенно в ударе и, разговаривая и смеясь с кадетами, уже совершенно не слушал, что отвечал вызванный, последний так громко выкрикнул заключительную фразу и так сильно хлопнул мелом, что Иван Петров вздрогнул. Молча повернулся он к кадету, долго и пристально смотрел на него среди всеобщей тишины и наконец отчеканил: «Ослу, скотине превеликой, от бога дан был голос дикий. Ступай, садись, болван, одиннадцать баллов».

Фурор был полный.

Иван Петров ввел у нас «пятки». Так назвал он последние пять минут урока, объяснив, что у японцев есть обычай сидеть некоторое время на пятках, ничего не делая. И вот он устанавливает такие же пять минут ничегонеделания, или «пятки», в течение которых он будет говорить о чем угодно, но только не об уроке.

«Пятки» выполнялись свято и были спасительны, когда был спрос, урок же был трудный, Иван Петров не в духе и резал одного за другим, ставя единицы. Мы с нетерпением смотрели на часы и когда приближались последние пять минут, со всех сторон раздавалось: «Пятки, пятки». Иван Петров обводил класс злым взглядом и говорил: «Негодяишки, дождались-таки пяток». Спрос прекращался. Иван Петров усаживался поверх чьей-нибудь парты и начинал разговоры.

Многое из тех разговоров было понято нами только позже; многого он не должен был говорить, но в общем мы его любили. Начальство внимательно относилось к урокам этого учителя и нередко во время их, в окошке классной двери, появлялась фигура директора.

Уже после нашего выпуска Иван Петров перешел в Петербург и сделался директором Горного института и во время первой революции вел себя как-то неважно, двусмысленно. Его фамилия – Долбня³.

Незадолго до нашего выпуска ввели новый предмет – законоведение.

Физическое воспитание занимало видное место в корпусе. Гимнастикой начинался и кончался день. Каждая рота в строю проделывала гимнастические упражнения в течение получаса и, кроме того, были отдельные уроки гимнастики поротно с палками. Всюду в ротах имелись гимнастические машины, и на переменах между уроками каждый старался пройти через какую-либо машину, особенно взобраться на мускулах по наклонной лестнице.

Венцом физического воспитания являлось строевое учение, производившееся по всем правилам военных уставов.

Кадет учили танцевать, но настоящая выучка всяких мазурок, венгерок и венских вальсов происходила не при учителе танцев, а в классах, за классными досками... Для кадет устраивались и балы, которых очень ждало всегда дамское общество и особенно местные институтки.

К женщине внушалось рыцарски-военное отношение. В отпуске на каникулах начинались невинные ухаживания, переходившие у некоторых в серьезные чувства и кончавшиеся впоследствии браками. Погоны, форма, умение хорошо танцевать помогали кадетам у барышень...

³ Иван Петрович Долбня (1853–1912) – русский математик, профессор и директор Горного института. В 1896 году занял кафедру в Горном институте в Петербурге; сочувственно относился к студенческим выступлениям 1899–1902 годов.

Область половой сферы оставалась вне внимания нашего начальства; кадет считали детьми до восемнадцатилетнего возраста и, как во многих семьях, о взрослых юношах думали, что они «ничего еще не знают и ничего не понимают». Между тем уже с четвертого класса многие кадеты познавали женщину. Одни бегали в отпускные дни на свидание к разным швеечкам и модисткам, других прибирали к рукам опытные дамы общества, а некоторые бывали даже и в публичных домах.

На одной из глухих улиц Нижнего Новгорода приютилось в те годы некоторое учреждение «Конкордия». Кто-то из кадет узнал его первым; свел одного, другого товарища, и вскоре опытная хозяйка сумела сделать свое учреждение крайне популярным и соблазнительным для кадет. Барышни были молодые, веселые, брали пустяки, играл рояль, давали пиво. А главное – таинственность запрета, опасность предприятия и молодечество. «Он был в “Конкордии”» – звучало серьезно.

Летом же, во время ярмарки, некоторые храбрецы, переодевшись в отпуске в штатское платье, пробирались с городскими товарищами в самые сомнительные ярмарочные вертепы.

II

Параллельно с официальным воспитанием шло саморазвитие кадет в их внутренней кадетской жизни. Каждый класс жил своей жизнью, своими интересами. Товарищество сплавало класс. Можно было быть умным или глупым, прилежным или лентяем, храбрым или трусоватым, но нельзя было быть плохим товарищем. Решение класса являлось обязательным для каждого кадета. Решено не отвечать какого-либо предмета – и кого бы ни вызвал учитель, хотя бы первого ученика, все отказывались отвечать...

В самых младших классах новички пытались, бывало, прибегать под защиту начальства, ходили жаловаться на щипки, побои, но их быстро отучали от этого. Несколько потасовок, неразговаривание класса в течение некоторого времени, и мальчик становился как и все. Если случалось, что кто-либо обижал зря менее сильного, класс вступался и кто-нибудь умирал обидчика. Бывало иногда, что новички таскали потихоньку чужие вещи. Тогда воришке разыскивали и, набросивши ему на голову шинель, били его всем классом, что называлось «через шинель», и воровство не повторялось...

Наказание тяжкое, беспощадное, но таковы были взгляды кадет на товарищество... Повиновение старшим кадетам было беспрекословное. Старшие этим не злоупотребляли, но тяжелая рука семиклассника частенько опускалась на младших по разным поводам.

Однажды наш пятый класс второй роты потребовал у эконома прибавки кулебяки за завтраком и получил ее, чем отнял эту прибавку у седьмого класса. На следующее же утро седьмой класс вызвал десять человек нашего класса на разбор. Шел допрос.

– Ты прибавки требовал?

– Требовал.

– Кулебяку ел?

– Ел.

– Получай...

Следовали удары. Избили всех десятерых, и больше мы уже никогда не посягали на права и привилегии седьмого класса.

Начальство знало об этих наших обычаях, но не вмешивалось в них. Они регулировали нашу общественную жизнь, служили хорошей цели, хотя иногда бывали и грубы. Вмешательство не приводило к хорошим результатам, скорее, наоборот, вредило кадетской жизни.

Кадеты щеголяли формой, гордились ею, особенно разъезжаясь на каникулы. Погоны были нашей гордостью. Лишиться погон считалось позором. Высшим наказанием в корпусе считалось именно «лишение погон» – наказание, налагавшееся в исключительно редких случаях.

В отпуске многие играли в оловянных солдатиков... Играли в шашки и шахматы, выпиливали, рисовали, клеили картонажи. Рассказывание анекдотов, особенно исторических, было любимейшим препровождением времени. Тогда же говорилось без конца о разных полках и их подвигах; спорили, какой полк лучше, какой старее.

В корпусе почти все были дети простых армейских офицеров. Гвардия рисовалась для нас особенно красивой, почетной и в ореоле славы. Мы знали, что многими гвардейскими частями командовали высочайшие особы. О них говорили мы с особым любопытством и серьезностью; это была семья государя, а выше его для нас ничего не было. К нему в Петербург летели наши мечты...

Хождение в отпуск являлось приятным развлечением. Благодаря отпускам, в нашу однородную военную семью вривалась иногда струя, чуждая общему настроению. То были попытки некоторых просветителей подойти к кадетам и вовлечь их в кружковщину. В отпуске кадеты встречались с разными людьми и с «красной» молодежью. И хотя в глазах студентов и вообще

невоенного общества кадет считали способными только к шагистике, танцам и ухаживаниям, тем не менее с нами все-таки общались и невоенные люди.

Будучи в пятом классе, один из наших одноклассников, которого я назову Х., подружился в отпуске с несколькими молодыми людьми без определенных занятий. Они собирались летом в какой-то полуразрушенной бане и читали там запрещенные книжки. Х. рассказывал об этом нам иногда по секрету, но выходило как-то неясно, что они там делают и для чего. Мы стали замечать некоторую перемену в нашем товарище... Стали предостерегать его от его городских товарищей и стали уговаривать бросить их. Х. был вовлечен в какой-то кружок, но как юноша вдумчивый и сильного характера, не дал сбить себя с толку, перейдя же в военное училище, он совсем оставил конспирацию, хорошо учился, вышел в гвардию и сделался хорошим офицером...

Умный, интересный, сильный и хороший музыкант А. пользовался большим успехом у женщин, и его приглашали в городе нарасхват. Вскоре познакомился он с одной польской семьей, где была дочь – петербургская курсистка-фельдшерица и сын студент. Семья считалась передовой. Началось ухаживание и параллельно занятия по самообразованию – совместные чтения сперва легальных, а затем и запрещенных книг. Ученье у А. пошло скверно, с товарищами он стал разговаривать немного свысока и как будто снисходительно. С особой таинственностью и важностью говорил он о Герцене⁴ и Лаврове⁵, имена которых не представляли для нас в то время никакого интереса, и как-то раз стал восхищаться Марком Волоховым из гончаровского «Обрыва»⁶.

Этот роман мы все знали хорошо, Волохова мы считали просто мерзавцем и подлецом за то, что он обесчестил девушку, и мы сцепились с А. в жарком споре. С того момента и сам А. и его городская компания низко упали в наших глазах. А. замкнулся от нас... Он принимал участие в событиях 1905 года, затем сделался нелегальным, бежал, болтался эмигрантом по Швейцарии и наконец пропал с житейского горизонта. Пример одного из тех несчастных, сбитых с пути революционерами военных, которые изменяли честным военным заветам, перекрашивались в революционеров всяких партий, а затем... изменяли и им.

Кадеты очень любили праздники. С большой торжественностью праздновались дни именин и рождения государя императора и другие царские дни, весело проходило Рождество. Особенно торжественно встречалась в корпусе святая Пасха. Но самым большим днем жизни корпуса являлся корпусный праздник, справлявшийся 18 марта.

Наступил 1890–1891 учебный год. Мы в старшем выпускном классе. Появились новые обязанности: дежурства по роте, по кухне, прислуживание священнику во время богослужения, чтение за обедней псалтыря.

Отношение к нам начальства стало более серьезное, со стороны младших кадет – почти-тельное. За хорошее поведение и учение назначали вице-фельдфебелем и производили в

⁴ Александр Иванович Герцен (1812–1870) – русский публицист-революционер, писатель, педагог, философ. Принадлежал к числу крайне левых политиков и критиков монархического устройства в России, выступая за социалистические преобразования. Издатель революционного еженедельника «Колокол» и альманаха «Полярная звезда». Будучи в эмиграции, открыто поддержал польское восстание 1863 года, с чем было связано разочарование в «Колоколе» многих русских интеллектуалов.

⁵ Пётр Лаврович Лавров (псевдонимы Миртов, Арнольди и др.) (1823–1900) – историк, социолог, философ, публицист и революционер. Один из идеологов народничества. Член общества «Земля и воля», потом партии «Народная воля». На его книге «Исторические письма», изданной под псевдонимом Миртов, воспитывалось целое поколение революционеров. Лавров умер в Париже.

⁶ «Обрыв» – роман И. А. Гончарова, завершённый в 1869 году и представляющий собой заключительную часть своеобразной трилогии «о переходе от одной эпохи русской жизни... к другой». Фамилия «Волохов» впервые упоминается задолго до первого появления персонажа на страницах романа: в письме, адресованном Райскому в Петербург, его товарищ Л. Козлов рассказывает о Марке как о человеке, для которого «нет ничего святого в мире». Сосланный в провинцию под присмотр полиции, он ведёт себя настолько вызывающе, что с момента его прибытия жители городка находятся в постоянном напряжении: Марк вырывает страницы из прочитанных книг, может ночью постучать кому-нибудь в окно. Волохов дерзок и щедр одновременно: несмотря на вечное безденежье, он иногда заходит в гости с хорошим вином и «целым возом овощей».

унтер-офицеры. В числе других получил золотой галун на погоны и я; меня произвели в вице-унтер-офицеры. В свободное время всё чаще и чаще беседовали мы, кто в какое училище выйдет.

Десять человек, в том числе и я, записались в Павловское училище. Мы стали старательней заниматься фронтом и гимнастикой. Прошли выпускные экзамены, и прошли благополучно, все окончили корпус хорошо. По традиции окончание корпуса надо было ознаменовать попойкой...

III

Павловское военное училище помещалось в Петербурге, в огромном здании на Большой Спасской улице, на Петербургской стороне.

Курс училища был двухгодичный.

Атмосфера серьезности, деловитости, военщины в лучшем смысле слова охватывала входившего в училище. Там все было построено на мысли: выработать в течение двух лет из бывшего кадета образованного хорошего пехотного офицера. Отсюда вытекал и весь режим училища с его системой обучения и воспитания.

С первого же дня бывших кадет выстраивали на плацу и начинали беспощадно гонять маршировкой под оркестр музыки невероятно большим и скорым шагом. Мы изнемогали от непривычки, особенно малые ростом, но на это не обращали внимания. Тогда же учили отдаванию чести. То была первая муштровка, посредством которой новым юнкерам сразу придавали военную выправку и молодцеватый вид, что не трудно было сделать с кадетами и без чего училище не выпускало в город своих юнкеров. Нас разбили на роты, причем я и еще два аракчеевца попали в первую роту, которая называлась ротой его величества.

Через несколько дней нас привели к присяге. На плацу построилось училище с хором музыки...

В тот же день мы получили первое предупреждение относительно революционеров. Каждому из нас выдали памятную книжку павловца, в которой был помещен старый приказ по военно-учебным заведениям, касающийся революционной пропаганды среди военных.

В 80-х годах тогдашним социалистам-революционерам удалось проникнуть в военную среду и организовать в Петербурге несколько военных кружков, куда были вовлечены и несколько юнкеров Павловского училища. Дознание раскрыло всю организацию. Государь милостиво отнесся к юнкерам и наказания, которые они заслужили, были значительно смягчены. К этому печальному для военных эпизоду и относился приказ, предостерегавший юнкеров от революционеров. Мы очень заинтересовались им и не раз беседовали затем о революционерах и их подходах к военным.

Для многих юнкеров это предостережение сослужило хорошую службу в столице, где неопытная молодежь часто наталкивалась на разного рода просветителей и пропагандистов, для которых военная среда была всегда очень заманчива.

Военное обучение и образование были поставлены в училище образцово. В результате мы увлекались военным делом со всем пылом молодости. Мы старались довести строй, ружейные приемы и гимнастику до щегольства. Многие перед сном проделывали ружейные приемы и гимнастические упражнения перед громадными зеркалами, и это считалось вполне нормальным. Знание воинских уставов назубок считалось шиком и доходило даже до ненужных подробностей. Так, например, некоторые знали, какой вес по закону должна иметь офицерская перчатка или офицерский нейзильберовый свисток. Быть по одежде, по выправке и строю лучше других училищ, быть по стрельбе «выше отличного», ходить быстрее стрелков – считалось идеалом. Параллельно шло ознакомление со всеми новыми военными течениями по литературе; юнкера увлекались модными и очень популярными тогда книжками Бутовского⁷. Его «Воспитание и обучение современного солдата» было настольной книжкой многих юнкеров старшего курса; его «Наши солдаты» – читалась всеми. По ним знакомились мы с психоло-

⁷ Николай Дмитриевич Бутовский (1850–1917?) – военный писатель, генерал от инфантерии Русской императорской армии. Литературную деятельность начал в 1877 году. Точная дата смерти Н. Д. Бутовского не установлена, известно лишь, что это произошло после октябрьского переворота 1917 года. По воспоминаниям С. М. Эйзенштейна, генерал Бутовский отличался скупостью и умер от разрыва сердца в день национализации военных займов в 1917 году.

гией будущих подчиненных, мы старательно готовились быть хорошими офицерами. Примеры блестящих строевых офицеров были у нас перед глазами – это наши училищные офицеры. Два брата Герчиг, Делонг и Крашенинников особенно ценились юнкерами. Позже один из братьев Герчиг командовал полком в Феодосии в 1905 году, в то время, когда туда пришел бродивший по Черному морю, под начальством одного из одесских товарищей, взбунтовавшийся «Потёмкин Таврический»⁸. Город был в панике. Отцы города готовы были выполнить все требования бунтовщиков, но Герчиг рассыпал одну из своих рот по берегу моря и, когда к городу приблизилось высланное броненосцем судно, Герчиг дал по нему несколько залпов. Несколько человек перекувырнулось в море, и этого было достаточно: подошедшие повернули обратно, и броненосец ушел, как оказалось позже, к берегам Румынии.

Общеобразовательные науки преподавались лекционно.

Незаметно прошел первый год училища и промелькнул второй. Мы были на старшем курсе. Некоторые из нас, а в том числе и я, были произведены в портупей-юнкера...

В тот год я выбрал скромную вакансию в квартировавший в Вильне 105-й пехотный Оренбургский полк.

Четвертого августа 1893 года в Красном селе у царского валика мы были произведены в офицеры.

⁸ «Князь Потёмкин-Таврический» – броненосец российского Черноморского флота. Назван в честь Г. А. Потёмкина. После событий 9 января 1905 года в июне вспыхнуло восстание на Черноморском флоте. Броненосец в это время стоял недалеко от Одессы, в которой происходила общая стачка рабочих. Восставшие матросы зверски расправились с наиболее ненавистными им офицерами и привели броненосец в Одессу. После беспорядков одесские городские власти оценили прямые убытки городу в 2 510 850 рублей, что равнялось ½ годовому бюджету Одессы.

IV

Оренбургский пехотный полк стоял в Вильне. Наш полк, как и все войска Виленского военного округа, учился серьезно. Отношение к солдатам было не только хорошее, но даже сердечное. Солдат поверял офицеру свои нужды и часто секреты. Битья, как системы, не существовало... Вопросы национальностей по отношению солдат не существовало: офицеры относились одинаково ко всем без различия вероисповеданий, и занятие привилегированных мест ротных писарей евреями было самым обыкновенным делом. Вообще же национальный вопрос в Вильне был злободневным явлением. Главным являлся польский вопрос. У нас в полку запрещалось говорить по-польски; в дивизии преследовались польские бородки. Существовало процентное отношение офицеров-поляков к общему числу. Офицеры не принимались польским обществом, за что оплачивали недружелюбием к полякам вообще.

Взаимная антипатия между русскими и поляками была очень сильна. Она выявилась с особой силой тогда при постановке и открытии памятника усмирителю в Литве польского бунта генералу графу Муравьеву⁹. Последний, как известно, принявшись за усмирение серьезно, покончил с ним быстро и с меньшими на Литве жертвами, чем того достиг в Привислянском крае более гуманный, как говорили, граф Берг¹⁰.

Постановка памятника подняла старые споры. По городу ходили слухи, что поляки взорвут памятник. Однако всё обошлось благополучно. Правительство, щадя самолюбие офицеров-поляков, распорядилось тогда не привлекать их на торжество открытия, что и было исполнено.

Литовского вопроса в то время как бы не существовало. Все литовцы с некоторой гордостью называли себя поляками, поляки же Привислянского края не признавали за поляков не только литовцев, но и виленских поляков, говоря про них: «То какой он поляк, он виленский».

Польско-русская вражда не отражалась, однако, на отношениях офицеров к офицерам – полякам у себя в полку: с ними мы дружили отлично, служили они образцово и товарищами были хорошими.

Еврейский вопрос стоял во весь свой колоссальный рост, но не был так болезнен, как польский. Офицеры были окружены евреями: портной еврей, сапожник еврей, подрядчики и поставщики евреи, фактор еврей, деньги в долг дает еврей, всюду евреи, евреи и евреи, и многие весьма симпатичные. И по отношению их офицеры были настроены доброжелательно.

Религиозная рознь существовала несомненно, но тогда она не обострялась. Но перед каждой Пасхой шли разговоры о том, что опять какая-то еврейка где-то скрала или пыталась скрасть какого-то христианского мальчика для надобностей своей Пасхи. Кто, где, что и как, никто не знал. И почти в каждой офицерской семье, где был ребенок мальчик, перед Пасхой предупреждали денщика, чтобы он лучше смотрел за ребенком и одного его за ворота не выпускал: детей воруют. Так говорили, такова была людская молва. Кем и чем она питалась,

⁹ Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866) – русский государственный, общественный и военный деятель эпох Николая I и Александра II. Участник Отечественной войны 1812 года и Войны шестой коалиции. Член Государственного совета, генерал от инфантерии, министр государственных имуществ, вице-председатель Императорского Русского географического общества, почётный член Петербургской академии наук. Прославился решительным подавлением польских восстаний в Северо-Западном крае, прежде всего восстания 1863 года. Благодаря ряду глубоких и системных преобразований положил конец польско-католическому доминированию в общественной, социально-экономической и культурно-образовательной сфере над белорусским православным крестьянским населением края. Был почитаем как гениальный государственный и получил наименование «граф Муравьев-Виленский».

¹⁰ Фёдор Фёдорович фон Берг (1794–1874) – генерал-фельдмаршал, почётный президент Николаевской военной академии, дипломат, географ, топограф. Принимал участие в войнах с Наполеоном, турками и польскими повстанцами. В 1854–1861 годах генерал-губернатор Финляндии. С 1863 года последний наместник Царства Польского.

нас тогда не интересовало; городское население этому верило, верили и мы, офицеры, верили и солдаты...

Жизнь гарнизона протекала между службой, городскими знакомствами и удовольствиями. Но событие, связанное с царствующей династией, взволновало тогда особенно эту жизнь.

Двадцатого октября 1894 года телеграф принес известие из Ливадии о кончине императора Александра III. Трудно передать чувство, охватившее офицеров при этом известии: его надо пережить.

Как, не стало его? А как же Россия? Россия без Александра III? Он – богатырь и воистину русский человек – был именно олицетворением России, ее силы, ее могущества. Его не стало...

На следующий день полк принес присягу на верность службы государю императору Николаю II Александровичу.

Началось новое царствование, полное внутренних волнений, принесшее России большие войны и кончившееся столь внезапно ужасной катастрофой.

Второе событие связано с великим князем Николаем Николаевичем...

* * *

Но полковая служба не удовлетворяла молодежь.

Естественно, что все более живое, энергичное, не успевшее завязнуть в местных интересах стремилось уйти из полка...

Думал об уходе и я. Перевод в гвардию у меня не состоялся, так как командир полка, обещавший взять меня к себе в полк, поспорил с тем, кто хлопотал за меня. Приходилось рассчитывать на себя.

Следуя общей среди молодежи моде, я стал готовиться в академию, выбрав военно-юридическую, но в то же время подумывал о переводе в корпус жандармов. О службе жандармов я много говорил с одним из моих товарищей. Мы не понимали тогда, конечно, всей серьезности службы этого корпуса, не знали его организации и всех его обязанностей, но в общем она казалась нам очень важной. Мы знали смутно, что жандармы борются с теми, кто бунтует студентов, крестьян, рабочих, вообще, как считали мы, социалистами. Эти последние, в глазах многих из нас, отождествлялись со студентами и казались нам революционерами. Понятие о революционерах у нас было примитивное. Мы считали, что все они нигилисты, и представляли мы их в лице волоховых, базаровых и вообще как «Бесов» Достоевского. Мы слышали о них по сдержанным рассказам об убийстве ими царя-освободителя; мы слышали, что убил какой-то Рысаков¹¹, а раньше стрелял какой-то Каракозов¹². Кто они, мы хорошо не знали; говорить о них считалось вообще неловким и неудобным, так как это было из запрещенного мира.

За последние годы, перед первым мая¹³, мы всегда слышали, что рабочие вновь хотят что-то устроить, где-то будут собрания и надо будет их разгонять, для чего от полка посылались наряды. Получала наряд и моя рота. Лежишь, бывало, с полуротой в лощине, за городом около «Нового Света» и ждешь этого сборища. Лежишь час, другой, третий, никто не собирается;

¹¹ Николай Иванович Рысаков (1861–1881) – революционер, активный член террористической организации «Народная воля» и один из двух непосредственных исполнителей убийства российского императора Александра II. 1 марта 1881 года Рысаков первый бросил бомбу в карету императора, но неудачно. Вторую бомбу бросил Игнатий Гриневецкий, он смертельно ранил Александра II и погиб сам. На допросе Рысаков давал откровенные показания. Был повешен.

¹² Дмитрий Владимирович Каракозов (1840–1866) – революционер, сторонник индивидуального террора, совершивший первый революционно-террористический акт в истории России – покушение на императора Александра II. 16 апреля 1866 года он стрелял в императора у ворот Летнего сада, однако промахнулся. По официальной версии, причиной промаха Каракозова стало то, что его руку оттолкнул шапочник Осип Комисаров, который впоследствии был возведен в дворянское достоинство. Каракозов был повешен на Смоленском поле (Васильевский остров) в Санкт-Петербурге, при большом стечении народа.

¹³ Задачей первомайских демонстраций был протест против эксплуатации и предъявление классовых требований пролетариата. С 1901 года демонстрации начали принимать политический характер.

ждать надоело, лежишь и ругаешь в душе бунтовщиков, что зря из-за них треплешься и попусту теряешь время. Мы знали, что в Ярославле Фаногорийский гренадерский полк здорово проучил бунтовщиков при каких-то беспорядках¹⁴, и государь объявил им свою благодарность. Видно, действительно, молодцами работали!

По простой военной терминологии, все эти господа назывались у нас общим именем – «внутренними врагами государства». В ротах у нас учили, что «солдат есть слуга царя и отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних». На вопрос же о том, кто такой враг внутренний, отвечали так: «Это – воры, мошенники, убийцы, шпионы, социалисты и вообще все, кто идет против государя и внутреннего порядка в стране».

Мы знали, что главную борьбу с ними ведут жандармы, и это не могло нам не нравиться, так как это была та же защита нашей родины, та же война, но лишь внутренняя.

Но вся служба жандармерии была окутана для нас какой-то тайной. Сами жандармские офицеры своею сдержанностью и какой-то особой корректностью усиливали это впечатление и заставляли смотреть на них с некоторой осторожностью. В них не было офицерской простоты, они не были нараспашку и даже внушали к себе какой-то непонятный страх. Почему и отчего – это было неясно.

В полку у нас на корпус смотрели очень хорошо. Несколько наших офицеров уже служили там, занимали хорошие должности и были предметом нашей зависти. В Вильне жандармерия была представлена блестяще. Генералы фон-Эксе и Черкасов пользовались уважением русского общества, первый же был принят и в польских кругах и принадлежал к местной аристократии.

Я лично в жандармах ничего нехорошего не видел. Еще с детства я помню, что жандармы были хорошо приняты, бывали они и у нас в доме. Даже женихом одной из моих сестер был жандармский ротмистр...

Уже в полку, читая много по истории, прочел я как-то в одном из исторических журналов «Записки голубого жандарма» из эпохи 60-х годов. Они произвели на меня большое впечатление тем, сколь много добра сделал тот жандармский штаб-офицер, состоя в Вильне при графе Муравьеве во время усмирения польского бунта...

Матушка моя не раз говорила мне затем, что она хотела бы видеть меня или артиллеристом, или жандармом, сестры же уже прямо убеждали меня идти в жандармерию. Воспитанные в архангельской провинциальной глуши, далекие от всякой политики, они были чужды обычных интеллигентских предрассудков против синего мундира и смотрели на жандармского офицера просто: офицер, служба серьезная, очень важная, жалованье хорошее и форма красивая, чего же еще нужно для брата? А что ругают – так за глаза и царя ругают. Все это в общей сложности создало у меня желание поступить в корпус жандармов, и я, почитывая для военно-юридической академии, в то же время не упускал из виду, как бы найти протекцию для перевода в корпус.

Но многие в обществе не любили жандармов, службу их бранили и говорили о них, что они все доносчики. Это неприязненное отношение к жандармам я встретил тогда же в семье почтенного присяжного поверенного, на дочери которого я хотел жениться. Русский человек, сын генерала, севастопольского героя, мой будущий тесть не хотел и слышать, чтобы его зять был жандармом. Он предлагал нам с дочерью материальную помощь, а также устроить меня

¹⁴ 17 апреля 1895 года забастовала фабрика Ярославской большой мануфактуры (7600 человек). Причиной послужили тяжелые условия жизни рабочих, снижение расценок и, как следствие, оплаты труда, ужесточение системы штрафов. Солдаты Фаногорийского гренадерского полка стали разгонять рабочих, а потом пошли на них в штыки. Рабочие ответили камнями. Тогда раздался залп, которым было убито девять человек и ранено семеро. На докладе о кровавой расправе Николай II наложил резолюцию: «Весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков» и приказал благодарить «молодцов-фаногорийцев». 4 мая рабочие прекратили забастовку, добившись сохранения старых расценок. Две тысячи рабочих были уволены.

куда-либо на гражданскую службу, которая обеспечивала бы меня лучше, чем полк, лишь бы я не шел в жандармы. Я упорствовал, доказывая ему, что служба корпуса жандармов идейная и полезная для государства. Не имея ничего мне возразить по существу, он все-таки был против нее. Мы долго спорили, и каждый остался при своем мнении. Я не покидал намерения поступить в корпус, но не отказывался от мысли жениться на его дочери.

Но перевестись в корпус жандармов было очень трудно. Для поступления в корпус от офицеров требовались прежде всего следующие условия: потомственное дворянство; окончание военного или юнкерского училища по первому разряду; не быть католиком; не иметь долгов и пробыть в строю не менее шести лет. Удовлетворявший этим требованиям должен был выдержать предварительные испытания при штабе корпуса жандармов для занесения в кандидатский список и затем, когда подойдет очередь, прослушать четырехмесячные курсы в Петербурге и выдержать выпускной экзамен. Офицер, выдержавший этот второй экзамен, переводился высочайшим приказом в корпус жандармов.

Всем формальным условиям я удовлетворял, но у меня не было протекции; отбор же офицеров был настолько строг, желающих было так много, что без протекции попасть на жандармские курсы было невозможно.

Скоро, однако, случай помог мне.

* * *

Через несколько месяцев меня вызвали в Петербург, я подал докладную записку о желании «продолжать службу его императорскому величеству в Отдельном корпусе жандармов» и получил приглашение на предварительные испытания.

На испытание явилось около сорока офицеров всех родов оружия. Не без трепета входил я в комнаты штаба корпуса жандармов, помещавшегося в знаменитом доме «У Цепного моста» против церкви Святого Пантелеймона. Всё казалось там страшно таинственным и важным. Единственно доступный и любезный человек – это швейцар. Все остальное заморожено холодом. Видимо, то же испытывали и другие офицеры.

В ожидании экзаменаторов мы перешептывались о них. Оказалось, что экзаменационная комиссия состояла из старших адъютантов штаба корпуса при участии представителя Департамента полиции, тайного советника Янкулио. Этот худощавый старик, напоминавший наружностью Победоносцева¹⁵, внушал нам особый страх, но почему, мы сами не знали.

В первый день держали устный экзамен. Меня спросили, читал ли я фельетон «Нового времени»¹⁶ о брошюре Льва Тихомирова¹⁷ «Конституционалисты в эпоху 1881 года» и что я могу сказать по этому поводу. Вещь была мне известна, и мой ответ удовлетворил комиссию. Предложив затем мне перечислить реформы Александра II¹⁸ и предложив еще несколько вопросов по истории и администрации и выслушав ответы, председатель комиссии объявил,

¹⁵ Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) – профессор-правовед, государственный деятель консервативных взглядов, писатель, переводчик, историк церкви, действительный тайный советник. Считался «серым кардиналом» правительства Александра III.

¹⁶ Газета «Новое время» издавалась в 1868–1917 годах в Санкт-Петербурге. Имела противоречивую репутацию. С одной стороны, это было издание «европейского типа», в нем печатались наиболее подробные зарубежные новости, объявления крупнейших компаний, подробная хроника, некрологи известных деятелей. С другой – складывалась репутация «Нового времени» как реакционной и беспринципной газеты.

¹⁷ Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) – общественный деятель и политический теоретик. В молодости – народо-волец. Находясь в эмиграции, издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник “Народной воли”». В 1888 году отрёкся от революционных убеждений и, вернувшись в Россию после помилования, стал монархистом.

¹⁸ Реформы Александра II называют великими: отмена крепостного права (1861), судебная реформа (1863), реформа образования (1864), земская реформа (1864), военная реформа (1874). Преобразования затронули все сферы деятельности российского общества, сформировав экономико-политические контуры пореформенной России.

что устный экзамен мною выдержан и что мне надлежит явиться на следующий день держать письменный...

На письменном экзамене мне попала тема «Влияние реформы всеобщей воинской повинности на развитие грамотности в народе...».

Экзамены я выдержал. Меня внесли в кандидатский список, и я должен был ждать вызова для слушания лекций...

Выдержав испытание, я вернулся в Вильну и стал ждать вызова, а в это время виленская жандармерия собирала обо мне наиболее подробные сведения. Политическая благонадежность и денежное состояние подверглись наибольшей проверке. Первое объяснять не приходится, второе же преследовало цель, чтобы в корпус не проникали офицеры, запутавшиеся денежно, зависящие от кого-либо в материальном отношении. Жандарм должен был быть независим.

Вызов меня на курсы затянулся. Прошло почти два года.

Летом 1899 года я совершенно неожиданно получил вызов на жандармские курсы.

V

В конце января 1826 года генерал-адъютант граф Бенкендорф¹⁹ подал императору Николаю I записку, в которой излагал следующее:

«События 14 декабря²⁰ и ужасные заговоры, которые в течение более десяти лет подготавливали этот взрыв, достаточно доказывают как ничтожность имперской полиции, так и неизбежную необходимость организации таковой согласно искусно скомбинированному и деятельно выполненному плану.

Для того чтобы полиция была хороша и охватывала все пространство империи, она должна иметь один известный центр и разветвления, проникающие во все пункты; нужно, чтобы ее боялись и уважали за моральные качества ее начальника. Он должен называться министром полиции и инспектором жандармов. Только этот титул даст ему расположение всех честных людей, которые хотели бы предупредить правительство о некоторых заговорах или сообщить ему интересные новости. Мошенники, интриганы и глупцы, обратившиеся от их заблуждений или ищущие искупить свои ошибки доносами, будут знать, куда обратиться. Этот титул объединил бы всех жандармских офицеров, разбросанных по всем городам России и по всем дивизиям армии, дал бы средство поставить туда людей интеллигентных и использовать людей чистых.

Чины, ордена, благодарность поощряют офицера более, чем денежные суммы поощряют людей, секретно используемых, которые часто играют двойственную роль: шпионят для и против правительства...

Эта полиция должна употреблять все свои усилия, чтобы завоевать моральную силу, которая в каждом деле есть главная гарантия успеха...»

Записка эта подверглась изучению государя и обсуждению нескольких избранных императором лиц, и 25 июня 1826 года, в день рождения императора Николая I, появился приказ об учреждении корпуса жандармов, о назначении генерал-адъютанта графа Бенкендорфа шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой. Третьего же июля состоялся указ о преобразовании Особой канцелярии Министерства внутренних дел в Третье отделение собственной его величества канцелярии. Во исполнение этого указа начальники губерний по всем делам, подведомственным Третьему отделению, должны были доносить прямо его императорскому величеству.

Граф Бенкендорф в своих записках сообщает об этой реформе следующее:

«Всю империю разделили в сем отношении на семь округов; каждый округ подчинен генералу и в каждую губернию назначено по одному штаб-офицеру; дальнейшее же развитие и образование нового установления было предоставлено времени и указаниям опыта.

¹⁹ Граф Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) – генерал от кавалерии, шеф жандармов и одновременно главный начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, масон. В 1809 году отправился добровольцем в армию, действовавшую против турок, и часто находился в авангарде или командовал отдельными отрядами. За выдающиеся отличия в сражении под Рушуком 20 июня 1811 года был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1824 году, когда в Санкт-Петербурге было наводнение, он стоял на балконе с императором Александром I. Бенкендорф сбросил с себя плащ, доплыл до лодки и спасал весь день народ вместе с военным губернатором Санкт-Петербурга М. А. Милорадовичем. Лично надзирал за А. С. Пушкиным. Умер на пароходе «Геркулес», возвращаясь из Карлсбада в Россию.

²⁰ Попытка государственного переворота, состоявшаяся в Санкт-Петербурге, столице Российской империи, 14 декабря 1825 года в междуцарствие. Восстание декабристов на Сенатской площади было организовано группой дворян-единомышленников, многие из которых были офицерами гвардии. Они попытались использовать гвардейские части для недопущения вступления на трон Николая I. Целью восстания было упразднение самодержавия, отмена крепостного права и изменение политических порядков.

Учреждение в то же время Третьего отделения собственной его величества канцелярии представляло под моим начальством средоточие этого нового управления и вместе высшей, секретной полиции, которая в лице тайных агентов должна была помогать и способствовать действиям жандармов».

Так появился Корпус жандармов. Если вспомнить, что в течение всего предшествовавшего тому века главными участниками всех политических заговоров являлись военные; что военными были совершены цареубийства Петра III²¹ и Павла I²², а во главе заговора против отца Николая Павловича стоял главный начальник государственной охраны генерал-адъютант граф Пален; что и в деле декабристов, проекты которых восходили до убийства императора Александра I и всех членов царствовавшей династии, все участники, за исключением нескольких человек, были военные, – приняв всё это во внимание, легко понять, почему в деле формирования корпуса жандармов государь Николай Павлович принял ближайшее участие, почему корпусу дана была организация, восходившая до собственной его величества канцелярии, и почему внимание новой высшей полиции было так сильно направлено на военную среду.

Борьба с злоупотреблениями во всех частях управления, во всех состояниях и местах; наблюдение за сохранением государственного порядка и спокойствия; наблюдение за нравственностью учащейся молодежи; обнаружение бедных и сирых, нуждающихся в материальной помощи, – вот обязанности корпуса жандармов согласно инструкции, преподанной им их первым шефом.

Корпус жандармов – глаза и уши императора, говорили тогда. Общественное благо – его цель. Белый платок – для утирания слез – эмблема его обязанностей. Какая же среда могла дать соответствующий контингент лиц для выполнения такой высокой задачи? Только русская армия, в массе своей всегда служившая верой и правдой своим государям, создавшая им славу, ковавшая величие и могущество России. Она и выделила из себя и весь состав вновь образованной жандармерии.

«По мысли государя, – говорил историк Шильдер, – лучшие фамилии и приближенные к престолу лица должны были стоять во главе этого учреждения и содействовать искоренению зла».

В царствование Александра II на офицеров корпуса жандармов было возложено производство дознаний по делам о государственных преступлениях, на правах следователей под наблюдением прокуратуры, согласно новых судебных уставов.

Всесильный диктатор, «волчьи зубы, лисий хвост» – граф Лорис-Меликов²³ добился уничтожения независимости корпуса жандармов. В феврале 1880 года шеф жандармов был уво-

²¹ Пётр III Фёдорович (при рождении Карл Петер Ульрих) (1728–1762) – император Всероссийский, первый представитель Гольштейн-Готторпской династии на российском престоле. Внук Петра I – сын его дочери Анны и Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Внучатый племянник Карла XII – внук его сестры Гедвиги-Софии. После полугодового царствования свергнут в результате дворцового переворота, возведшего на престол его жену Екатерину II. Личность и деятельность Петра III долгое время расценивались историками единодушно отрицательно, однако затем появился и более взвешенный подход, отмечающий ряд государственных заслуг императора, который продолжал внутреннюю политику Петра I. Обстоятельства смерти Петра III до сих пор окончательно не выяснены.

²² Павел I Петрович (1754–1801) – император Всероссийский, сын Екатерины II и Петра III, великий магистр Мальтийского ордена. Вступил на русский престол в 1796 году после смерти Екатерины II в возрасте 42 лет. В день коронации Павел I публично прочёл принятый новый закон о престолонаследии, который подвёл черту под столетием дворцовых переворотов и женского правления в России. Отныне женщины фактически были отстранены от наследования российского престола, ибо появилось жёсткое требование перехода короны по мужской линии (от отца к сыну). Впервые были установлены правила регентства. Панически опасаясь заразительности примера Французской революции, Павел в 1800 году запретил ввоз иностранных книг и отправку юношей за границу для получения образования. Павел I был убит офицерами в Михайловском замке в собственной опочивальне в ночь на 12 марта 1801 года. Организатором заговора стал Пётр Пален – петербургский генерал-губернатор и глава Тайной полиции.

²³ Михаил (Микаэл) Тариэлович Лорис-Меликов (1824–1888) – граф, генерал-адъютант. В последние месяцы царствования императора Александра II занимал пост министра внутренних дел с расширенными полномочиями, проводил либераль-

лен от должности, Третье же отделение и корпус жандармов были подчинены Лорис-Меликову. Высочайшим же указом 6 августа того же года корпус жандармов был подчинен министру внутренних дел, тому же Лорис-Меликову, по званию шефа жандармов, Третье отделение было уничтожено, и вместо него был образован Департамент государственной полиции.

Подчинив себе корпус, Лорис-Меликов не сумел, однако, целесообразно использовать его силы в то тяжелое время. Охрана государя была поставлена преступно небрежно. Ею ведали чиновники секретного отделения канцелярии обер-полицмейстера.

В упоении собственной славы, Лорис-Меликов, в одном из своих всеподданнейших докладов, красиво изобразил государю то успокоение и благополучие, которого он достиг якобы в империи своими либеральными мерами, смешав непозволительно для государственного человека в одну кучу народ, либеральное общество, политиканов и революционеров. За тот знаменитый доклад, образчик безграничного самомнения, легкомыслия и политического невежества со стороны министра внутренних дел, Россия заплатила, спустя немного времени, жизнью своего царя-освободителя.

После убийства Александра II было создано Петербургское охранное отделение с чинами корпуса жандармов. Предупреждение покушения на жизнь Александра III в марте 1887 года арестом «Террористической фракции Народной воли»²⁴ с бомбами на пути предполагаемого проезда государя явилось блестящим актом деятельности корпуса за то время. Чины корпуса разгромили по всей России терроризовавшую прежнее правительство «Народную волю» и, согласно высочайше утвержденному в августе 1881 года «Положению об усиленной охране», приняли к исполнению новую обязанность – производство расследования без участия прокурорского надзора.

Совокупностью энергично принятых мер достигнуто было успокоение.

Новое царствование императора Николая Александровича принесло с собой общественное оживление, властно выдвинулся новый социальный фактор – рабочий вопрос. Корпусу предстояла новая сложная работа.

В 1899 году, когда я был вызван на жандармские курсы, организация и обязанности корпуса были в общем таковы: корпус состоял из генералов, офицеров и унтер-офицеров.

Одна часть корпуса была сведена в губернские жандармские управления, которые осуществляли по-старому наблюдения, кое-где вели политический розыск, а также производили дознания и расследования. К этой категории относились и офицеры резерва, специализировавшиеся на производстве дознаний.

Вторая часть корпуса была сведена в железнодорожные полицейские управления и несла службу исключительно в полосе отчуждения железных дорог, исполняя функции и общей и политической полиции.

В ведении офицеров корпуса были также охранные отделения в Петербурге, Москве и Варшаве, входившие в состав градоначальств и обер-полицмейстерств и занимавшиеся политическим розыском. В крепостях же были крепостные жандармские команды, наблюдавшие в крепостных районах. Кроме того, в состав корпуса входили Петербургский, Московский и

ную внутривластную линию, планировал создание представительного органа с законосовещательными полномочиями («Конституция Лорис-Меликова»). Русская печать дала ему ироническое прозвище «диктатор сердца». Назначение графа руководителем Верховной распорядительной комиссии было в целом встречено в обществе позитивно. В Лорис-Меликове, несмотря на его политику усиления репрессий, прежде всего видели либерала, а в его деятельности – начало либеральной политики государства. Левый, революционный лагерь общественного движения России также отмечал, что время «диктаторства» Лорис-Меликова – это время «общего оживления и надежд. После отставки с поста министра Лорис-Меликов уехал за границу и проживал большей частью в Ницце.

²⁴ Русская революционная организация. Основана в декабре 1886 г. в Петербурге. Организаторы и руководители П. Я. Шевырëв и А. И. Ульянов – брат В. И. Ленина. Попытка «Фракции» осуществить в марте 1887 года в Петербурге покушение на императора Александра III окончилась арестами и разгромом организации. Участники и организаторы покушения (15 человек) были судимы. Ульянов, Андреюшкин, Генералов, Осипанов и Шевырëв повешены в Шлиссельбургской крепости, остальным первоначально был также вынесен смертный приговор, но заменен на различные сроки каторги и ссылку в Сибирь.

Варшавский дивизионы, несшие наружно-полицейскую службу и бывшие жандармами только по форме.

Главным начальником жандармов являлся министр внутренних дел по званию шефа жандармов, во главе корпуса стоял его командир, строевою частью ведал штаб, всей же розыскной и наблюдательной – Департамент полиции, куда поступала также и вся отчетность по производству дознаний и расследований.

Железнодорожные жандармы зависели почти исключительно от штаба, губернские же – от Департамента полиции. Двойственность подчинения корпуса отражалась на всей его службе.

Назначение же начальников управлений не высочайшими приказами, а командиром корпуса, вносило в корпусную жизнь произвол, протекционизм и лишало его высший персонал независимости и самостоятельности, столь необходимых для органа такого важного государственного значения, какое имел корпус в царской России.

* * *

Лекторы нам читали Уголовное право, производство дознаний и расследований и железнодорожный устав. Мы отлично усвоили все права и обязанности железнодорожной жандармерии и познакомились с формальной стороной дознаний, но и только. О самом же главном для нас (об общественных и революционных движениях и о методах борьбы с революцией) нам тогда ничего на курсах не говорили.

Между тем большинство из нас горело желанием отдаться всецело борьбе с революционерами. Как ни далеко стояла тогда армия от политики, кое-что о начинающемся рабочем движении доходило и до нас, о подпольной работе социалистов мы слыхали, знали мы и то, что царя-освободителя убили именно они. На курсах же нам было выдано для ознакомления с порядком производства дознаний несколько томов дела о покушении на Александра III. Но только нам не давали никаких разъяснений по этому делу, которое одно могло бы составить ряд поучительных для жандармского офицера лекций по истории революционного движения и по розыску.

В конце декабря 1899 года мы выдержали выпускной экзамен и были переведены высочайшим приказом в корпус жандармов. Нам дали в штабе лист со свободными вакансиями, причем адъютант по строевой части подполковник Чернявский с особенным пренебрежением швырнул нам отдельный листок с вакансиями охранных отделений, и мы разобрали вакансии согласно желанию в порядке успехов сдачи выпускного экзамена. Одни пошли на железные дороги, часть в губернские, четверо же, и в том числе я, решили окунуться в самую гущу и взяли вакансии в охранные отделения. Чернявский смотрел на нас с нескрываемой враждебностью и буквально фыркал, а не говорил, когда мы обращались к нему за какими-либо справками.

Я вышел в Московское охранное отделение, пугавшее всех тем, что начальником его был штатский Зубатов²⁵. В синем уже мундире с белыми аксельбантами вернулся я через несколько дней в Вильну.

Ясный морозный январский день. Много снегу. Московский «ванька» резво катит меня с чемоданом с вокзала на Большую Дмитровку, где у сестры меня ждет жена.

²⁵ Сергей Васильевич Зубатов (1864–1917) – крупнейший деятель политического сыска и полицейский администратор, надворный советник, глава Особого отдела Департамента полиции. Зубатова можно по праву назвать создателем системы политического сыска дореволюционной России. Приобрел широкую известность, благодаря созданной им системе легальных рабочих организаций, получившей по имени автора название «зубатовщины». Вербовал провокаторов из среды революционеров. В 1910 году перестал заниматься политикой, вёл частный образ жизни. Второго марта 1917 года император Николай II отрёкся от престола в пользу своего брата Михаила, а третьего марта, во время обеда, пришло сообщение об отречении Михаила. Зубатов молча выслушал это сообщение, вышел в соседнюю комнату и застрелился.

Через час, переодевшись в мундир, еду в Гнездиновский переулок являться в Охранное отделение.

Двухэтажное здание зеленоватого цвета окнами на переулок. Вхожу в небольшую правую дверь. Темный вход; довольно большая полунизкая передняя, из которой несколько маленьких дверей в крошечные приемные. В дальнем правом углу странная витая лестница наверх. Из того же угла теряется в темноте узкий коридорчик.

Некто в штатском спрашивает меня, что мне угодно и, узнав, что я новый офицер и приехал на службу, схватился снимать пальто и, попросив подождать, полетел по витой лестнице.

Вошел полицейский надзиратель и любезно раскланялся. Постояв немного, он заглянул в каждую дверь и плотно прикрыл их – очевидно дежурный. Из темного коридорчика появился служитель с огромным подносом, полным стаканов чаю, и осторожно стал подниматься по винтовой лестнице.

Вскоре скатившийся с нее докладчик попросил меня следовать за ним.

Поднимаюсь: чистый широкий коридор. Прохожу большую светлую комнату; много столов, за ними чиновники – пишут; стучат машинки; груды дел. Дальше – небольшая комнатка, полная дуг с листками, что похоже на адресный стол. Проходим через маленькую темную переднюю и входим в небольшой, в два окна, кабинет. Американский стол-конторка, диван, несколько стульев.

Навстречу поднимается упитанный, среднего роста штатский, полное здоровое румяное лицо, борода, усики, длинные русые волосы назад, голубые спокойные глаза. Представляюсь. Он отвечает:

– Медников, старший чиновник для поручений, – и, улыбаясь, просит садиться. – Я мы вас ждем, очень рад-с, скоро придет и начальник.

Говор спокойный, певучий, немного простоватый. Сидит, откинувшись на спинку, поглаживая себя по ляжкам, изредка отбрасывает волосы рукой назад.

Обмениваемся ничего не значащими фразами о погоде и морозе. Смотрю на портреты на стене. Один из них женский, как узнал потом, революционерки Курпатовской²⁶, на другом же красивый мужчина. Увидев, что смотрю на него, Медников говорит: «Это Судейкин»²⁷.

Почему Курпатовская украшала тот кабинет, для меня осталось невыясненным навсегда. Никогда она никакого отношения к службе отделения не имела, если не считать того, что бывала обыскиваема и арестована.

Немного спустя Медников стучит в дверь, что в углу комнаты, и приглашает меня жестом за собой. Вхожу в большой, нарядный, не казенный кабинет. На стене прелестный, тоже не казенный царский портрет. Посреди комнаты среднего роста человек в очках, бесцветный, волосы назад, усы, борода, типичный интеллигент, это – знаменитый Зубатов.

Представляюсь, называя его «господин начальник». Он принимает мой рапорт стоя, по-военному, опустив руки и, дав договорить, здоровается и предлагает папиросу. Отказываюсь, говорю, что не курю. Удивляется.

– Может быть, и не пьете?

– И не пью.

Начальник смеется и, обращаясь к Медникову, говорит: «Евстратий, и не пьет!..» Евстратий сидит плотно, гладит себя по ляжкам, ухмыляется. Спросил, женат ли я, как думаю устро-

²⁶ М. И. Курпатовская – агент Департамента полиции, деятельная помощница знаменитого провокатора А. Е. Серебряковой. В 1894 году с помощью Курпатовской были раскрыты провинциальные организации партии «Народное право». В 1891–1893 годах «освещала» «Русско-кавказский кружок», во главе которого стоял Егупов, сам предавший впоследствии всю свою организацию. В конце 1890-х годов, выйдя замуж, отошла от революционных дел.

²⁷ Георгий Порфирьевич Судейкин (1850–1883) – подполковник Отдельного корпуса жандармов, с 1882 года инспектор Петербургского охранного отделения. Убит 16 декабря 1883 года на конспиративной квартире С. П. Дегаева в Петербурге народолюбцами В. П. Конашевичем и Н. П. Стародворским, при содействии С. П. Дегаева, который вёл двойную игру. Дегаев скрылся в Лондоне.

иться, и, предложив еще несколько вопросов, Зубатов сказал, чтобы я шел являться обер-полицеймейстеру, и мы распрощались.

Дом обер-полицеймейстера помещался на том же дворе, но фасадом и подъездом выходил на Тверской бульвар. Обер-полицеймейстер полковник Дмитрий Федорович Трепов²⁸, бывший конногвардеец, высокий, красивый и представительный мужчина, встретил меня сурово-вежливо, предложил несколько вопросов, сказал комплимент по адресу отделения и его начальника и, пожелав успеха в службе, распрощался.

Сделав затем несколько визитов, я вернулся в отделение, где перезнакомился со служащими. Помощником начальника был жандармский подполковник Сазонов, которому Зубатов и передал меня для выучки. Были в отделении еще два жандармских офицера – Петерсен и Берарди, но они находились в командировках. Поручик Берарди вел тогда расследование о хищениях в разных войсковых частях оружия и о переправе его через Кавказ в Персию. В двух местах были скрадены даже артиллерийские орудия. Военное министерство само просило, чтобы расследование произвел жандармский офицер. Берарди блестяще справился с поручением и был награжден Владимиром IV степени, что тогда являлось редкой наградой, и потому Берарди был тогда героем дня в корпусе. Позже он до самой революции состоял начальником дворцовой полиции, а при большевиках был расстрелян. Это был выдающийся офицер.

В отдельном кабинете сидел сумрачный, в очках блондин, бывший когда-то революционером, Л. П. Меньщиков²⁹. В комнате рядом сидели делопроизводитель, от которого почти всегда отдавало букетом, и чиновник для поручений Л. И. Войлошников, симпатичный, приветливый, хороший человек. В 1905 году, при Московском восстании, Войлошников был расстрелян на Пресне дружиной социалистов-революционеров на глазах жены и маленьких детей. Тогда это произвело на всех крайне тяжелое впечатление. Мне было как-то не по себе в этой необычайной военной обстановке.

Скоро затем Сазонов пригласил меня к себе, в свой громадный кабинет с двумя письменными столами, с портретами по стенам и с зеркалом на угловом столике, и дал краткое, но толковое объяснение о том, что такое Охранное отделение и какие его права и обязанности. По-товарищески же посоветовал, к кому и как относиться и с кем и как держаться. О Зубатове и о Медникове он говорил особенно серьезно, упирая на то, что они отлично знают свое дело. Советовал мне не допытываться очень, где, что и как, объясняя, что со временем само все придет и что так будет лучше, так как очень любопытных не любят. Предупредил он и о том, что по отношению посторонних надо быть сдержанным на словах, быть осторожным, конспиративным, как выразился он, т. е. ничего о служебных делах не рассказывать; не рассказывать ничего и домашним.

В шесть часов Сазонов сказал мне:

– Ну, теперь пойдем прощаться к начальству, таков у нас порядок.

Мы прошли в кабинет Медникова, где кроме него были и Зубатов и Войлошников. Поглаживая бородку, стоял Меньщиков.

²⁸ Дмитрий Фёдорович Трепов (1855–1906) – генерал-майор Свиты, сын петербургского градоначальника генерала Трепова. Применял прямолинейные административно-полицейские меры для подавления революционного движения в Москве, являясь ближайшим помощником московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича; в частности, им последовательно преследовалось политическое движение среди студенчества. Первого июля 1906 года на прогулке в Петергофском саду был убит по ошибке вместо Трепова похожий на него генерал-майор С. В. Козлов. Второго сентября 1906 года Трепов неожиданно скончался от сердечного приступа.

²⁹ Леонид Петрович Меньщиков (1869–1932) – деятель российского политического сыска, публицист. С 1902 года был помощником начальника Московского охранного отделения, с 1903-го до своей отставки – старшим помощником делопроизводителя Департамента полиции. В 1909 году эмигрировал во Францию. Продолжил работу по раскрытию «провокаторов». Всего им было выявлено около 2000 «провокаторов» разных партий и агентов полиции неопределённой политической направленности.

– Ну, что же, господа, пора и по домам, – сказал нам Зубатов и, пожав руку каждому и пожелав всего хорошего, ушел в свой кабинет.

Медников с грохотом закрыл свою конторку, приветливо распрощался с каждым из нас, и все разошлись.

Только к семи часам вечера, когда было уже совсем темно, вернулся я домой, где жена и сестра с мужем забросали меня вопросами. Я же был как в тумане. Всё, что я видел и слышал, было так ново, странно и таинственно. Совет Сазонова о конспиративности звучал в ушах. Я кое-как разъяснился, говоря, что все были очень вежливы, приветливы и конспиративны. Это слово сразу очень понравилось.

В Москву я попал в первый раз. Мне так хотелось посмотреть город, хотелось на воздух. Я оделся и поехал в Кремль.

Вот она, белокаменная, вот она – сердце России. При какой странной обстановке я тебя вижу впервые. Я люблюсь тобой поздно вечером, приехав рано утром... Как все это странно... Что за странная новая служба... Какие странные люди... Зубатов, Медников... А тот, что возится внизу в коридорчике, несуразный в большой шляпе и с пледом на плечах... И помещение странное... Железная витая лестница... и я.

VI

Московское охранное отделение того времени занимало исключительное положение среди розыскных органов России и деятельность его распространилась далеко за пределы Москвы и ее губернии. Отделение уже вычистило к тому времени Москву и раскрыло несколько революционных организаций вне ее.

Так, в 1895 году отделение арестовало в Москве кружок студента Распутина³⁰, имевший намерение подготовить покушение на молодого государя и делавший для того некоторые приготовления. Оно разгромило перед тем складывавшуюся благодаря Натансону партию «Народное право»³¹, арестовав по разным городам ее главарей и взяв в Смоленске ее типографию. Оно проникло своим розыском даже в Петербург и арестовало в 1896 году на Лахте типографию «Группы народовольцев»³².

Ко времени моего приезда отделение работало по Северо-Западному краю, где в Минске, как раз весной 1900 года, оно произвело большие аресты социалистов-революционеров, во главе с Е. Гальпериним, Л. Клячко и Г. Гершуни³³, где работала и «бабушка» Е. Брешковская³⁴, ускользнувшая тогда от ареста.

Та организация называлась «Рабочей партией политического освобождения России», имела свою типографию, где была напечатана ярко террористического характера брошюра «Свобода», наделавшая тогда много шума. Типография та была арестована отделением.

Всё это, а также и другие успехи по преследованию революционеров были достигнуты отделением с помощью внутренней агентуры, т. е. через тех членов революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и их отдельных членов.

Они выдавали своих близких жандармерии, служа для нее шпионами, и назывались у политической полиции «сотрудниками», у своих же шли под именем «провокаторов».

³⁰ Осенью 1894 года в отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве были получены сведения о том, что в квартире № 6 по Тишинскому переулку происходят частые сборища учащейся молодежи, на которых Иван Спиридович Распутин, недавно окончивший Московский университет, произносит речи террористического характера, призывая убить Николая II. Дело о кружке И. С. Распутина было по высочайшему соизволению (14 февраля 1896 г.) разрешено административным порядком, с тем чтобы подвергнуть одиночному тюремному заключению Распутина на пять лет и на десять лет ссылки в Якутскую область. Остальные члены кружка отделались высылкой под гласный надзор полиции в разные места.

³¹ «Социально-революционная партия Народного права» – российская нелегальная революционно-демократическая организация народнического толка (1893–1894). Членами организации состояли представители разночинной демократической интеллигенции, их деятельность была направлена на пропаганду также среди интеллигенции.

³² «Группа народовольцев» – название двух петербургских революционных организаций, преемственно между собой связанных.

³³ Григорий Андреевич Гершуни [Герш-Исаак Гершуни] (1870–1908) – один из основателей партии эсеров, член ЦК, руководитель «Боевой организации», организатор террористических актов против министра внутренних дел Д. С. Сипягина, харьковского губернатора Н. М. Оболенского и уфимского губернатора Н. М. Богдановича. В мае 1903 года арестован под Киевом; в марте 1904 года Петербургский военно-окружной суд приговорил его к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Осенью 1905 года бежал из Акатуйской каторжной тюрьмы в бочке с капустой, добрался до Китая, затем переехал в Америку. В 1907 году участвовал во II съезде эсеров в Таммерфорсе, выступал против использования экспроприации как средства борьбы. Умер в Цюрихе от саркомы, похоронен в Париже.

³⁴ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934) – участница революционного движения, «бабушка русской революции». С 1873 г. – член кружка «Чайковцев». Участница «хождения в народ», в 1874 г. была арестована и приговорена к работам на Карийской каторге, где стала первой женщиной политкаторжанкой. В 1879 г. переведена на поселение в Баргузин, откуда в 1880 г. пыталась бежать, снова приговорена к четырем годам каторги. В 1882 г. после года тюрьмы вновь каторга на Каре. В 1885–1893 гг. – на поселении в г. Селенгинске, затем жила в Иркутске. В 1896 г. вернулась в Европейскую Россию. С 1898 г. – на нелегальном положении. В 1899 г. вместе с Г. А. Гершуни была инициатором создания «Рабочей партии политического освобождения России», затем осенью 1901 г. – Боевой организации партии социалистов-революционеров. В 1901–1905 гг. неоднократно избиралась в ЦК партии. В 1903 г. эмигрировала в Швейцарию.

Сотрудник не считался на службе у отделения, он не был его чином, не значился по ведомостям, поступавшим в Государственный контроль; он был для отделения человеком другого враждебного лагеря, помогавшим лишь правительству в его борьбе с революционерами, откуда и самое название – сотрудник.

Не жандармерия делала азефов³⁵ и малиновских³⁶, имя же им легион, вводя их как своих агентов в революционную среду; нет, жандармерия выбирала лишь их из революционной среды. Их создавала сама революционная среда. Прежде всего они были членами своих революционных организаций, а уже затем шли шпионить про своих друзей и близких органам политической полиции.

Чины охранного отделения или жандармского управления, от начальника до младшего филера, никогда в революционные ряды не становились.

Умением привлекать из революционных и общественных кругов лиц, которые освещали бы их деятельность, тогда славилось именно Московское охранное отделение. Наличием этих сотрудников из социалистов и общественников и объяснялись успехи Московского отделения и его популярность.

В числе таких сотрудников отделения уже тогда состояли двое, из которых один, убежденный враг социализма и революционеров, являлся образчиком самого лучшего, идейного, преданного правительству сотрудника, каких вообще бывало немного, другой же, наоборот, дал впоследствии пример типа отрицательного и нежелательного – сотрудника-provokatora. Первым была Зинаида Гернгросс, вторым – Евно Азеф.

Зинаида Федоровна Гернгросс³⁷ стала сотрудничать на Московское охранное отделение в 1895 году и раскрыла властям московский террористический кружок Распутина, подготовивший покушение на императора Николая II, которое предполагалось совершить при въезде государя в Москву на коронационные торжества 1896 году.

Дело было разрешено в административном порядке, и сама Гернгросс, как замешанная в нем, была выслана на пять лет в Кутаис, где вышла замуж за врача Жученко, а затем скоро переехала в Юрьев и выехала за границу.

Будучи убежденной монархисткой и всей душой ненавидя революционные партии с их подпольной грязью, Жученко решила бороться с ними жесточайшим образом, не преследуя при том никакой корыстной цели. Она вновь стала сотрудничать с Департаментом полиции и оказала ему ряд ценных услуг по раскрытию деятельности партии социалистов-революционеров, и благодаря ей в руки правосудия были преданы многие серьезные революционные деятели и предупреждены грандиозные террористические покушения.

³⁵ Евно Фишелевич [Евгений Филиппович] Азеф (1869–1918) – революционер-provokator, один из руководителей партии эсеров и одновременно секретный сотрудник Департамента полиции. Известен как «король provokatorов». Как глава Боевой организации эсеров, организовал и успешно провёл ряд терактов, в числе которых убийство великого князя Сергея Александровича. В то же время как агент Охранного отделения раскрыл и выдал полиции множество революционеров. В число секретных сотрудников полиции Азеф был принят в 1892 году, в 23 года. В 1893 году предложил Департаменту полиции быть осведомителем о русских революционерах – студентах Политехнического института в Карлсруэ, и его предложение приняли. На внутрипартийном разбирательстве ЦК ПСР приговорил Азефа к смерти, однако тот смог избежать ликвидации и в 1909 году бежал в Германию и скрывался там до самой смерти.

³⁶ Роман Вацлавович Малиновский (1876–1918) – политический деятель, член ЦК РСДРП, большевик, известный provokator. Был казнён в 1918 году.

³⁷ Зинаида Фёдоровна Жученко-Гернгросс (1872–?) – секретный сотрудник Департамента полиции, убеждённая монархистка и противница революционных партий. По докладу П. А. Столыпина Николаю II от 12 октября 1909 г., Жученко назначили пожизненную пенсию в размере 3600 руб. в год из секретных сумм Департамента полиции. С началом Первой мировой войны, находясь в Германии, была арестована по подозрению в шпионаже в пользу России и заключена в тюрьму, где находилась до 1917 года. После освобождения переехала в Бельгию.

В 1909 году, благодаря измене Меньшикова, Жученко была разоблачена Бурцевым³⁸, и в августе того же года Центральный комитет партии социалистов-революционеров объявил ее провокатором.

В том же году к Жученко, жившей с сыном в Шарлоттенбурге, заявился добровольный шеф революционного розыска социалист В. Л. Бурцев, средства розыска которого, кстати сказать, были те же, что и у ненавистного ему Департамента полиции, т. е. внутренняя агентура, которую он вербовал среди чиновников правительства, и филерство, которое осуществлялось в нужных случаях членами революционных партий. То, что считалось преступным и подлым со стороны правительства, признавалось необходимым и хорошим в своих собственных руках: такова этика революционеров.

При двух свиданиях с Бурцевым Жученко честно, открыто, с полным достоинством и мужеством и в гордом сознании той государственной пользы, которую она приносила родине, раскрывая работу подтачивающих ее революционных партий, высказала свои взгляды на сотрудничество.

– Да, я служила, – говорила она Бурцеву, – к сожалению, не пятнадцать лет, а только три, но служила, и я с удовольствием вспоминаю о своей работе, потому что служила не за страх, а по убеждению. Теперь скрывать нечего. Спрашивайте меня, и я буду отвечать. Но помните: я не открою вам ничего, что повредило бы нам, служащим в Департаменте полиции... Я служила идее... Помните, что я честный сотрудник Департамента полиции в его борьбе с революционерами... Сотрудничество – одно из наиболее действительных средств борьбы с революцией... Я не одна: у меня много единомышленников как в России, так и за границей. Мне дано высшее счастье остаться верной до конца своим убеждениям, не проявить шкурного страха, и мысль о смерти меня не страшила никогда...

Честный фанатик, революционер Бурцев столкнулся с не менее честной фанаткой сотрудницей Жученко. И моральная победа в этом столкновении правительства с революцией осталась всецело на стороне правительства – на стороне Жученко. Фанатик революционер должен был признать моральную силу убежденного сотрудника, и Бурцев пожал на прощанье руку Жученко со словами: «Как человеку честному, жму вашу руку».

И перед этой моральной силой честности, долга и мужества склонился даже и Центральный комитет партии социалистов-революционеров: Жученко не мстили, ее не тронули.

Прямой противоположностью является в то время скромный еще сотрудник, но впоследствии сделавшийся знаменитостью, как провокатор, – Азеф.

Азеф – это беспринципный и корыстолюбивый эгоист, работавший на пользу иногда правительства, иногда революции; изменявший и одной и другой стороне, в зависимости от момента и личной пользы; действовавший не только как осведомитель правительства, но и как провокатор в действительном значении этого слова, т. е. самолично учинявший преступления и выдававший их затем частично правительству, корысти ради.

Между этими двумя крайностями располагался ряд иных сотрудников, молодых и пожилых, всяких сословий, профессий и категорий. Единственная среда, которая не давала «сотрудников», – это было офицерство: предательство и спекуляция на товариществе были чужды офицерству царской России.

Мастером по приобретению сотрудников считался сам начальник отделения – Зубатов.

³⁸ Владимир Львович Бурцев (1862–1942) – публицист и издатель, заслуживший за свои разоблачения секретных сотрудников Департамента полиции («провокаторов царской охраны») прозвище «Шерлок Холмс русской революции». Особенно известен раскрытием тайны Азефа. После октябрьского переворота эмигрировал сначала в Финляндию, затем во Францию. В последние годы жизни сильно нуждался и умер в больнице от заражения крови. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Сергей Васильевич Зубатов учился в одной из московских гимназий и, будучи в старших классах, принимал участие в ученической кружковщине, где сталкивался, между прочим, с одним из основателей партии социалистов-революционеров Михаилом Гоцем³⁹.

После гимназии он не пошел в университет, а поступил чиновником в охранное отделение, где дослужился до помощника начальника, а затем, как знаток розыскного дела, вне правил, так как не был жандармским офицером, был назначен и начальником.

Начитанный, хорошо знакомый с историей, интересовавшийся всеми социальными вопросами, Зубатов был убежденным монархистом. Он считал, что царская власть, давшая России величие, прогресс и цивилизацию, есть единственная свойственная ей форма правления. «Без царя не может быть России, – говорил он нам не раз, – счастье и величие России – в ее государях и их работе. Возьмите историю». И доказательства сыпались, как из рога изобилия. «Так будет и дальше. Те, кто идут против монархии в России – идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть».

И он боролся всеми законными, имевшимися в его распоряжении средствами и учил и нас, офицеров, тому же.

Пройдя в молодости революционные увлечения, зная отлично революционную среду с ее вождями, из которых многие получали от него субсидии за освещение работы своих же сотоварищей, он знал цену всяким «идейностям», знал и то, каким оружием надо бить этих спасителей России всяких видов и оттенков.

Для успеха борьбы нужно было осведомление через сотрудников, и Зубатов искал их. После каждых групповых арестов или ликвидации Зубатов подолгу беседовал с теми из арестованных, кто казался ему интересным. Это не были допросы, это были беседы за стаканом чая о неправильности путей, которыми идут революционеры, о вреде, который они наносят государству. Во время этих разговоров со стороны Зубатова делались предложения помогать правительству в борьбе с революционными организациями. Некоторые шли на эти предложения, многие же если и не шли, то все-таки сбивались беседами Зубатова с своей линии, уклонялись от нее, другие же совсем оставляли революционную деятельность.

Одним из таких сбитых временно с его революционного пути оказался и знаменитый по последующей работе Гершуни. После ареста в Минске Гершуни содержался под стражей в Москве. У Зубатова были, конечно, сведения о том, что делал Гершуни в Минске, как формировал он там летучие библиотечки, фабриковал небольшие типографии и рассылал их с Брешко-Брешковской по разным городам. Знал он и о взглядах Гершуни на террор, как на необходимый способ борьбы с правительством. Данных, хотя и агентурных, было достаточно, чтобы послать Гершуни административным порядком в далекую Сибирь, но Зубатов этого не сделал. Он хотел переломить Гершуни идейно. Он не раз вызывал Гершуни на допросы. Долгие беседы вели два противника, и в результате Гершуни дал подробное показание и тем купил себе свободу, избавив себя от ссылки. Он был освобожден и вернулся в Минск. Моральная победа Зубатова была велика, но ненадолго.

Зубатов не понял тогда достаточно хорошо Гершуни, не разглядел в нем уже готового убежденного террориста, слишком доверчиво отнесся к нему, поверил ему. Очутившись на свободе, Гершуни оправился от влияния Зубатова и отомстил правительству, как видно будет дальше, жестоко.

Зубатов не смотрел на сотрудничество как на простую куплю и продажу, а видел в нем дело идейное, что старался внушить и офицерам. Учил он также относиться к сотрудникам

³⁹ Михаил Рафаилович Гоц (1866–1906) – народоволец, политический деятель. Один из организаторов Партии эсеров, член заграничного ЦК, создатель устава «Боевой организации эсеров». Поддерживал газету «Революционная Россия» и журнал «Вестник русской революции». Отбывал наказание в Якутской и Вилюйской каторжных тюрьмах, а с июня 1892 года в Акатуйской каторжной тюрьме и Горном Зерентуе. В 1895 году каторга заменена ссылкой на поселение. С 1902 года жил в Швейцарии, умер в Берлине от неизлечимой болезни.

бережно. «Вы, господа, – говорил он, – должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму. Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы он честно ни работал, всегда, рано или поздно, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию, сделайте все, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему. Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником; будет полезен уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства».

Благодаря таким взглядам Зубатова, работа по розыску приобретала интересный характер. Проводя их в жизнь, Зубатов сумел поставить внутреннюю агентуру на редкую высоту. Осведомленность Отделения была изумительна. Его имя сделалось нарицательным и ненавистным в революционных кругах. Москву считали гнездом «провокации».

Заниматься в Москве революционной работой считалось безнадежным делом.

Красиво и убедительно говорил Зубатов, готовя из нас будущих руководителей политического розыска, но воспринять сразу эту государственную точку зрения на внутреннюю агентуру было трудно. Мы принимали, как бесспорные, все советы относительно сотрудника и все-таки они в наших глазах были предателями по отношению своих товарищей. Мы понимали, что без шпионов ничего нельзя знать, что делается во вражеском лагере; мы признавали, что сотрудников надо иметь так же, как надо иметь военных шпионов, чтобы получать необходимые сведения о неприятельских армии и флоте, об их мобилизационных планах и т. д. Все это мы понимали хорошо, но нам, офицерам, воспитанным в традициях товарищества и верности дружбы, стать сразу на точку холодного разума и начать убеждать человека, чтобы он, ради пользы дела, забыл все самое интимное, – дорогое и шел на измену, было тяжело и трудно. Наш невоенный начальник не мог этого понять. Да мы и не говорили много с ним об этом. Но между собою мы, офицеры, подолгу беседовали на эту тему. В нас шла борьба.

В результате государственная точка зрения победила. Мы сделали сознательными офицерами розыска, смотревшими на него как на очень тяжелое, неприятное, щепетильное, но необходимое для государства дело. Впрочем, жизнь, как увидели мы позже, очень упрощала нашу задачу. Переубеждать и уговаривать приходилось редко: предложения услуг было больше, чем спроса...

Правой рукой Зубатова был Евстратий Павлович Медников⁴⁰, человек в то время лет пятидесяти. Он заведывал агентами наружного наблюдения, или филерами, которые, наблюдая на улицах за данными им лицами, выясняли наружно, что те делали, с кем встречались и какие места посещали. Наружное наблюдение развивало данные внутренней агентуры.

Медников был простой, малограмотный человек, старообрядец, служивший раньше полицейским надзирателем. Природный ум, сметка, хитрость, трудоспособность и настойчи-

⁴⁰ Евстратий (Евстрат) Павлович Медников (1853–1914) – деятель российского политического сыска, соратник С. В. Зубатова. Создатель школы агентов наружного наблюдения. В 1910 году Медников заболел душевным расстройством, скончался в психиатрической клинике в декабре 1914 года.

вость выдвинули его. Он понял филерство как подряд на работу, прошел его горбом и скоро сделался нарядчиком, инструктором и контролером. Он создал в этом деле свою школу – медниковскую, или, как говорили тогда, «Евстраткину» школу. Свой для филеров, которые в большинстве были из солдат уже и тогда, он знал и понимал их хорошо, умел разговаривать, ладить и управляться с ними.

Двенадцать часов ночи. Огромная низкая комната с большим дубовым столом посредине полна филеров. Молодые, пожилые и старые, с обветренными лицами, они стоят кругом по стенам в обычной позе – расставив ноги и заложив руки назад.

Каждый по очереди докладывает Медникову данные наблюдения и подает затем записку, где сказанное отмечено по часам и минутам, с пометкой израсходованных по службе денег.

– А что же Волк? – спрашивает Медников одного из филеров.

– Волк, Евстратий Павлович, – отвечает тот, – очень осторожен. Выход проверяет, заходя куда-либо, также проверку делает и опять-таки и на поворотах, и за углами тоже иногда. Тёртый.

– Заклёпка, – докладывает другой, – как заяц бегаёт, ничего не видит, никакой конспирации, совсем глупый...

Медников внимательно выслушивает доклады про всех этих Заклёпок, Волков, Умных, Быстрых и Галок, – так по кличкам назывались все проходившие по наблюдению. Он делает заключения, то одобрительно кивает, то высказывает недовольство.

Но вот он подошел к филеру, любящему, по-видимому, выпить. Вид у того сконфуженный; молчит, точно чувствует, что провинился.

– Ну что же, докладывай! – говорит иронически Медников.

Путаясь и заикаясь, начинает филер объяснять, как он наблюдал с другим филером Аксеновым за Куликом, как Кулик зашел на Козихинский переулок, дом номер три, да так и не вышел оттуда, не дождался его.

– Так-таки и не вышел, – продолжает иронизировать Медников.

– Не вышел, Евстратий Павлович.

– А долго ты ждал его?

– Долго, Евстратий Павлович.

– А до каких пор?

– До одиннадцати, Евстратий Павлович.

Тут Медников уже не выдерживает больше. Он уже знает от старшего, что филеры ушли с поста в пивную около семи часов, не дождавшись выхода наблюдаемого, почему он и не был проведен дальше. А у Кулика должно было состояться вечером интересное свидание с «приезжим» в Москву революционером, которого надо было установить. Теперь этот неизвестный «приезжий» упущен.

Побагровев, Медников сгребает рукой физиономию филера и начинает спокойно давать зуботычины. Тот только мычит и, высвободившись, наконец, головой, всхлипывает:

– Евстратий Павлович, простите, виноват.

– Виноват, мерзавец, так и говори, что виноват, говори прямо, а не ври! Молод ты, чтоб мне врать. Понял, молод ты! – с расстановкой отчеканил Медников. – Дурррак! – и, ткнув еще раз, больше для виду, Медников, уже овладевший собой, говорит спокойно: – По пятерке штрафу обоим! А на следующий раз – вон; прямо вон, не ври! На нашей службе врать нельзя. Не доделал – винись, кайся, а не ври!

Эта расправа по-свойски; своя, Евстраткина система. То, что происходило в филерской, знали только филеры да Медников. Там и награды, и наказания, и прибавки жалованья, и штрафы, там и расходные, т. е. уплата того, что израсходовано по службе, что трудно учесть и что всецело зависит от Медникова.

Просмотрев расход, Медников произносил обычно:

– Ладно, хорошо.

Найдя же в счете преувеличения, говорил спокойно:

– Скидай полтинник; больно дорого платишь извозчику, скидай.

И филер «скидал», зная, что, во-первых, Евстратий Павлович прав, а во-вторых, всё равно всякие споры бесполезны.

Кроме своих филеров, при Московском отделении был еще летучий филерский отряд Департамента полиции, которым также ведал Медников. Этот отряд разъезжал по России, разрабатывая агентурные сведения Зубатова или Департамента, работая как бы под фирмой последнего. По деловитости, опытности и серьезности филеров, которые в большинстве брались из московских филеров, летучий отряд был отличным наблюдательным аппаратом, не уступавшим по умению приспособляться к обстоятельствам, по подвижности и конспирации профессиональным революционерам.

То была старая медниковская школа. Лучше его филеров не было, хотя выпивали они здорово и для всякого постороннего взгляда казались недисциплинированными и неприятными. Они признавали только Медникова. Медниковский филер мог пролежать в баке над ванной (что понадобилось однажды) целый вечер; он мог долгими часами выжидать на жутком морозе наблюдаемого с тем, чтобы провести его затем домой и установить, где он живет; он мог без багажа вскочить в поезд за наблюдаемым и уехать внезапно, часто без денег, за тысячи верст; он попадал за границу, не зная языков, и умел вывертываться.

Его филер стоял извозчиком так, что самый опытный профессиональный революционер не мог бы признать в нем агента. Умел он изображать из себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности мог прикинуться он и дурачком и поговорить с наблюдаемым, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда же служба требовала, он с полным самоотвержением продолжал наблюдение даже за боевиком, зная, что рискует при провале получить на окраине города пулю браунинга или удар ножа, что и случалось.

Единственно, чего не было у медниковского филера, это сознания собственного профессионального достоинства. Он был отличный специалист-ремесленник, но не был проникнут тем, что в его профессии не было ничего зазорного. Этому Медников им привить не мог, его не хватало на это. В этом отношении провинциальные жандармские унтер-офицеры, ходившие в штатском и исполнявшие обязанности филеров, стояли много выше, понимая свое дело как государственную службу. Позже и штатские филеры, подчиненные жандармским офицерам, воспитывались именно в этом новом направлении, что облагораживало их службу и много помогало делу.

Во всех раскрытиях отделения роль наружного наблюдения была очень велика, благодаря чему, главным образом, Медников и сделался самым близким доверенным лицом Зубатова.

У близкой Медникову женщины была главная конспиративная квартира Зубатова, где жил и сам Медников, где происходили и свидания с некоторыми сотрудниками и с другими лицами по делам розыска. Знал он и оберегал и другие места, где происходили свидания Зубатова и других чинов отделения, если они допускались к этому делу. Допускался же далеко не каждый, так как агентура, эта святая святых отделения, бережно охранялась от всякого не только постороннего, но и своего, отделенского взгляда.

В ведении Медникова находился и извозчикий филерский двор, где было несколько выездов, ничем не отличавшихся наружно от обыкновенных «ванек». Комбинация конного наблюдения с пешим приносила большую пользу при наблюдении.

У Медникова на руках была и касса. Зубатов был бесребреником в полном смысле этого слова, то был идеалист своего дела; Медников же – сама реальность, сама жизнь. Все расчеты – у него. Работая за десятерых и проводя нередко ночь в отделении на кожаном диване, он в то же время не упускал своих частных интересов. Под Москвой у него было «именице с

бычками, коровками и уточками, был и домик», было всё. Рабочие руки были дармовые, – делай, что хочешь; свой человек – жена, хорошая, простая женщина, вела хозяйство.

Приехавши в Москву, я застал Медникова уже старшим чиновником для поручений, с «Владимиром» в петлице, который в то время давал права потомственного дворянства. Он уже выправил тогда все документы на дворянство, имел грамоту и занимался составлением себе герба; на гербе фигурировала пчела, как символ трудолюбия, были и снопы.

Эти два человека, Зубатов и Медников, составляли нечто единое, самую суть Московского отделения, его главный рычаг.

Были в отделении три жандармских офицера, были чиновники и полицейские надзиратели. Все служили, работали, и результаты их работы, какими бы они путями ни восходили к начальству, обязательно попадали сперва к Медникову и получали от него оценку, а в зависимости от того и направление.

Имелся в отделении свой хороший фотограф и расшифровщик секретных писем, а также и свой ученый еврей, который знал всё по еврейству, что являлось при работе в черте оседлости большим подспорьем. Была наконец и еще одна фигура, прогремевшая позже в революционном мире, чиновник для поручений Л. П. Меньщиков, когда-то, как говорили, участник одной из революционных организаций, попавший затем в отделение и сделавший в нем, а после и в Департаменте полиции большую чиновничью карьеру.

Угрюмый, молчаливый, корректный, всегда холодно-вежливый, солидный блондин в золотых очках и с маленькой бородкой, Меньщиков был редкий работник. Он держался особняком. Он часто бывал в командировках, будучи же дома «сидел на перлюстрации»⁴¹, т. е. писал в Департамент полиции ответы на его бумаги по выяснениям различных перлюстрированных писем. Писал также и вообще доклады Департаменту по данным внутренней агентуры.

Это считалось очень секретной частью, тесно примыкавшей к агентуре, и нас, офицеров, к ней не подпускали, оставляя ее в руках чиновников. Меньщиковское бюро красного дерева внушало нам особое к нему почтение. И когда однажды, очевидно, по приказанию начальства, Меньщиков, очень хорошо относившийся ко мне, уезжая в командировку, передал мне ключ от своего бюро и несколько бумаг для ответов Департаменту, это произвело в отделении некоторую сенсацию. Меня стали поздравлять.

Меньщиков знал революционную среду, и его сводки о революционных деятелях являлись исчерпывающими. За ним числилось одно большое дело. Говорили, что в те годы Департамент овладел раз явками и всеми данными, с которыми некий заграничный представитель одной из революционных организаций должен был объехать ряд городов и дать своим группам соответствующие указания. Меньщикову были даны добытые сведения и, вооружившись ими, он в качестве делегата объехал по явкам все нужные пункты, повидался с представителями местных групп и произвел начальническую ревизию. Иными словами, успешно разыграл революционного Хлестакова, и в результате вся организация подверглась разгрому.

Меньщиков получил за то вне очереди хороший орден. Позже, взятый в Петербург, в Департамент, прослуживший много лет на государственной службе, принесший несомненно большую пользу правительству, он был уволен со службы директором Департамента полиции Трусевицем. Тогда Меньщиков вновь встал на сторону революции и, находясь за границей, начал опубликовывать те секреты, которые знал. Вот результат быстрых мероприятий шустрого директора!

Прием в розыскные учреждения лиц, состоявших ранее в революционных организациях, являлся, конечно, недопустимым. Слишком развращающе действовала подпольная революционная среда на своих членов своей беспринципностью, бездельем, болтовней и узкопартий-

⁴¹ Перлюстрация (от *лат.* *perlustro* – обзираю) – просмотр личной пересылаемой корреспонденции, совершаемый втайне от отправителя и получателя. В отличие от гласно заявленной военной цензуры, перлюстрация всегда совершается тайно.

ностью, чтобы из нее мог выйти порядочный чиновник. Он являлся или скверным работником, или предателем интересов государства во имя партийности и революции. Были, конечно, исключения, но они являлись именно исключениями. Но раз правительство это допускало, то исправление ошибки таким хирургическим способом, к которому прибегал Трусевич, приносило лишь новый вред тому же правительству.

Перлюстрация писем членов революционных организаций была одним из источников осведомления о том, что делается в их среде.

Перлюстрация практикуется издавна в правительствах всего мира. Издавна прибегали к ней и в России. Еще при Елизавете Петровне⁴² летом 1744 года, тогдашний канцлер Бестужев⁴³, желая раскрыть императрице глаза на интриговавшего при нашем дворе французского посла маркиза де ла Шетарди⁴⁴, доложил государыне ряд перлюстрированных донесений маркиза, в которых тот сообщал в Версаль разные сплетни и действовал безусловно во вред России.

Императрица вознегодовала, и к двенадцатому июня маркизу были предъявлены его перлюстрированные депеши и он был выслан из Москвы фактически в двадцать четыре часа и, в сопровождении офицера и галопировавшего вокруг экипажа отряда драгун, был выпровожен за пределы империи.

По вступлении на престол Николая Павловича, в поданной государю записке об образовании корпуса жандармов, граф Бенкендорф называет перлюстрацию весьма полезным делом и говорит, что перлюстрация корреспонденции есть наилучший помощник полиции, следящий за всем происходящим на всем пространстве империи. «Для этого, – пишет он, – надо иметь в некоторых только пунктах начальников почтовых бюро испытанной честности и усердия: как в Петербурге, Москве, Киеве, Волыни, Риге, Харькове, Одессе, Казани и Тобольске».

После убийства царя-освободителя состоялось высочайшее повеление императора Александра III, данное министру внутренних дел особым указом, о разрешении ему, в целях высшей государственной охраны, вскрывать частную корреспонденцию помимо порядка, установленного судебными уставами.

Так как почта и телеграф были подчинены министру внутренних дел, то на центральной станции в Петербурге и была организована перлюстрация некоторой корреспонденции, или, как говорила публика – черный кабинет.

До самой революции 1917 года перлюстрацией ведал один и тот же чиновник, состарившийся на своем деле и дошедший до чина действительного статского советника. Его знали лишь министр, директор Департамента полиции и очень немногие близкие им лица.

В последние годы бывало так. Как только назначался новый министр внутренних дел, в тот же день к нему являлся старичок, действительный статский советник Мардариев, и, представившись, подавал министру с таинственным видом большой, с тремя печатями, пакет с надписью «совершенно секретно», прося вскрыть.

Министр вскрывал. То был высочайший указ Александра III на право перлюстрации. Происходил краткий обмен мыслей. Чиновник почтительно просил вновь запечатать пакет.

⁴² Елизавета Петровна (1709–1762) – императрица и самодержица Всероссийская из династии Романовых, младшая дочь Петра I и Екатерины I.

⁴³ Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693–1766) – дипломат, канцлер Российской империи, кабинет-министр. С 1741 по 1757 год Бестужев участвовал во всех дипломатических делах, договорах и конвенциях, которые Россия заключила с европейскими державами. Участник бесчисленных придворных и международных интриг, дважды был приговорён к смертной казни. В конце 1763 года девятилетний Павел Петрович пожаловал Бестужеву голштинский орден Св. Анны. Тогда же было велено уплатить ему содержание за все годы ссылки и вернуть всё конфискованное имущество, уплатив его долги из казны.

⁴⁴ Жак-Иоахим Тротти, маркиз де ла Шетарди (1705–1759) – французский дипломат и генерал, который в качестве французского посланника в России в 1739–1742 годах способствовал низвержению Анны Леопольдовны и приходу к власти Елизаветы Петровны. При непосредственном участии Шетарди в Европе был опубликован привезённый в посольском багаже из России провокационный документ под названием «Завещание Петра Великого», в числе его предположительных авторов-составителей упоминался и сам Шетарди.

Министр вкладывал указ в тот же пакет, запечатывал поданным ему чиновником сургучом и печатью и возвращал старичку. Старичок почтительно раскланивался и тихо удалялся. Он продолжал хранить пакет в глубочайшей тайне до нового министра, к которому являлся с той же процедурой. Так дожил он до революции.

В черном кабинете письма вскрывались по адресам или по наружным признакам, а частью на ощупь, как, например, письма, присланные из-за границы с нелегальной литературой.

Скопированные, а некоторые в подлинном виде, письма отсылались министру внутренних дел, где часть их поступала в его личное распоряжение, как, например, письма сановников и лиц, окружающих государя, часть же передавалась в Департамент полиции. Там ведал перлюстрацией специализировавшийся на том особый чиновник.

Письма участников революционного движения подвергались действиям различных кислот в целях проявления секретного текста, расшифровывались, копировались и отсылались местным розыскным органам для выяснения и дальнейших по ним мероприятий. Данные перлюстрации служили только для розыска, как добытые «негласным путем», и использованию на дознаниях не подвергались.

В последние годы распоряжениями министров внутренних дел перлюстрация была завведена и еще в нескольких пунктах империи, чем также ведали чины почтового ведомства. Корпус жандармов перлюстрацией никогда не занимался; эта обязанность на нем не лежала, если же где-либо в провинции это делалось, то лишь по собственной инициативе и скрытно от начальства.

Агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация являлись тремя главными источниками осведомления политической полиции. После обысков и арестов сведения эти пополнялись их результатами и показаниями арестованных. Путем сопоставления всех этих данных, путем дополнительных установок и выяснений воспроизводилась полная картина работы отдельных революционных деятелей и их организаций.

Этой работой в отделении занимались мы, офицеры, бывшие там на ролях следователей и производившие расследования в порядке охраны, без участия прокурорского надзора, которые и разрешались административным порядком. Дела, по которым можно было приступить к формальным дознаниям, передавались в губернское жандармское управление со всеми арестованными.

VII

Недели через две после моего приезда отделение арестовало группу интеллигентов, занимавшихся печатанием на гектографе и распространением запрещенных цензурой произведений Льва Толстого. Производство расследования поручили мне. Ознакомившись с найденными при обыске вещественными доказательствами, я начал допросы. Арестованные были люди не первой молодости, серьезные, очень увлекавшиеся учением Толстого. Общее впечатление было то, что все они очень хорошие люди. Занимались они печатанием некоторых глав «Воскресения» и «Евангелия».

С первого же допроса привлеченные стали, было, отказываться давать какие-либо показания, как это поучали, но сами мало выполняли, представители революционных партий. Пришлось спорить: какие же вы толстовцы, и где же ваше непротивление злу, где же ваша идейность, если при первом же столкновении с ненавистной для вас властью вы прячетесь и боитесь исповедовать вашу веру? Спорили мы немного. Все толстовцы дали полное и откровенное показание, и картина получилась поучительная.

Группа толстовцев, увлекающаяся своим учителем и его творениями, убивает все свободное время на перепечатывание его запрещенных произведений и думает распространять их среди таких же поклонников гениального писателя. Работают с риском ареста и действительно попадают в тюрьму. Но где же источник того, за что они терпят кару? Источник, как выясняется расследованием, – сам граф Толстой и его Ясная Поляна. Туда ездил один из арестованных и там получал он запрещенные издания; причем брал их, не скрывая, что будет перепечатывать. И Лев Толстой то знал. Логика и закон требовали возбуждения дознания против самого Толстого и привлечения его, как главного виновника, по настоящему делу. Но на Толстом был запрет, и его трогать было никому нельзя. Все мы в отделении слышали не раз, что существует высочайшее повеление, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни в коем случае. Лев Толстой находился под защитой его величества.

Я стал доказывать начальству, что при данном положении дело следует прекратить, так как преследовать арестованных при непривлечении главного виновника является абсурдным и несправедливым. В городе уже шли хлопоты перед обер-полицмейстером об арестованных, и скоро их разрешили освободить, но они все-таки понесли наказание в административном порядке. Надо сказать, что в Москве мы не замечали видимого вреда от учения Льва Толстого. У него, конечно, были поклонники, но масса не шла за ним. За три весьма интересных, по начавшемуся общественному подъему, года службы в Москве присутствие Толстого совершенно не беспокоило отделение, что являлось лучшим доказательством, что он был тогда политически безвреден.

Послание синода об отлучении Толстого в 1901 году пришло в Москву во время уличных беспорядков, и 25 февраля сам Толстой попал случайно в толпу беспорядочников на Лубянской площади. Казалось бы, вот момент выразить пострадавшему писателю сочувствие, симпатию и использовать удобный момент против правительства. Однако этого не случилось. Настроение толпы было столь двойственно, что если некоторые и выражали свою симпатию Толстому, то другие не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой поспешил сесть со своим спутником на извозчика и уехал.

Позже в своем ответе синоду он упомянул о том случае в следующих словах: «Самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по площади, слышал слова: “Вот дьявол в образе человека”, – и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избивали». Так говорит сам Толстой.

Вообще толпа относилась к нему отрицательно. Он не был ее вождем, им увлекались только отдельные лица и группы из интеллигенции. Не увлекалась им в массе и молодежь. Ее

кумиром был тогда босяцкий певец Максим Горький, восхищавший всех своим «Дном» и его «героями».

И потому послание синода об отлучении Толстого многих удивило. Его не понимали. Зачем это было сделано? Из писателя-философа, которого в массе больше порицали, чем хвалили, сделали жертву. Толстому стали присылать сочувственные письма, телеграммы и адреса, и паломничество к нему возросло в значительной степени.

Отлучение побудило Толстого послать ответ, в котором он, признав, что отрекся от православной церкви, что отвергает святую троицу и все таинства, говорит: «Бога же духа, Бога любовь, единого Бога – начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении». Быстро попал этот ответ, конечно, и в отделение.

Вскоре появилось второе новое произведение Толстого, его письмо 1901 года «К царю и его помощникам», написанное по поводу происходивших тогда беспорядков, виновниками которых Толстой считал «правителей», не хотевших, по его мнению, видеть ничего, кроме своего спокойствия в настоящую минуту. Он писал, между прочим: «... для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на вас, так мало нужно... сделать нужно только следующее: во-первых, уравнивать крестьян во всех их правах с другими гражданами... во-вторых, нужно перестать применять так называемые правила усиленной охраны... в-третьих, нужно уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию. Наконец, в-четвертых, и самое главное, нужно уничтожить все стеснения религиозной свободы...»

Развивши каждое из этих требований, Толстой обращался к царю и всем имеющим власть с такими словами: «Помогите же улучшить положение этого большинства и в самом главном: в его свободе и просвещении. Только тогда и ваше положение будет спокойно и истинно хорошо».

Писал это Лев Толстой и писавши старался изложить не свое мнение, а мнение лучших многих, бескорыстных, разумных и добрых людей, желающих того же.

Обращение это прошло в публике незамеченным. Не разрекламируй в то время Толстого святаейший синод, Толстой, как учитель жизни, продолжал бы оставаться спокойно в стороне и в тени, что, конечно, не относится к нему, как к гениальному писателю-художнику, гордости России.

* * *

Дознание о толстовцах дало основание начальству считать, что я могу успешно производить расследования и получать откровенные показания, что считалось весьма существенным, и меня стали посылать в командировки по тем пунктам, где работало отделение. Работа же его велась в то время по городам Северо-Западного края, а также в Минске, Екатеринославе, Тамбове и еще по нескольким пунктам.

С запада шла волна организованного социал-демократического движения. Так, в Литве в 1897 году возник «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» или Бунд, объединивший все еврейские социал-демократические группы. То была крепкая, хорошо законспирированная революционная организация, спаянная еврейским фанатизмом, жаргонном и ненавистью к русскому правительству. Ее центральный орган «Арбейтерсштимме» издавался на жаргоне, и на жаргоне же выходила вся агитационная литература. Оттуда шла и новая тактика «агитации» для всей русской социал-демократии, обоснованная в брошюре Цедербаума⁴⁵ и открывшая новый период в истории социал-демократического движения в России. Там

⁴⁵ Юлий Осипович Цедербаум (псевдоним – Мартов) (1873–1923) – политический деятель, участник революционного движения, один из лидеров меньшевиков, публицист. Вместе с В. И. Лениным был одним из основателей петербургского

же, в Минске, в 1898 году состоялся съезд, на котором была образована «Российская социал-демократическая рабочая партия».

Было ясно, что Департамент полиции прозевал новое революционное движение. Департамент схватился за Московское отделение с его летучим отрядом, и оно начало работать по западным губерниям. По некоторым агентурным данным началась работа филеров по Ковно, Гродно, Минску, Белостоку и некоторым еще пунктам. По результатам наблюдений начались массовые аресты, для производства которых посылались офицеры и чиновники из Москвы, осуществлявшие их вместе с местными жандармскими управлениями. Целыми вагонами возили арестованных в Москву, где и производились расследования. Шли допросы и по ним производились новые аресты. Результаты обысков, в общем, были недостаточно хороши. Бундовцы вели себя весьма конспиративно и осторожно. Редко-редко находили одну нелегальную брошюру или прокламацию; найти какую-либо рукопись, письмо, заметку конспиративного характера было почти невозможно. Но, правда, в Вильне арестовали типографию, взяли и большой транспорт литературы, а кое-где взяли и небольшие библиотечки.

Держались бундовцы на допросах с революционной точки зрения хорошо, говорили мало, но далеко не все – были и словоохотливые. При допросах шло привлечение сотрудников, которых так недоставало по Западу, и агентура была набрана. Многие сотрудники были переданы местным жандармам, более же серьезные остались за Зубатовым.

Всё более значительное и серьезное по работе было сослано административным порядком в Сибирь, часть же была освобождена по невинности или для надобностей агентуры, или чтобы замаскировать некоторые освобождения последней категории. Много арестованных если и не пошли сотрудничать, то были распропагандированы Зубатовым, оторваны от социал-демократии, ушли из ее рядов и решили посвятить себя легальной работе среди еврейства и бороться с Бундом. Так была создана организация минских «независимых»⁴⁶, очень взволновавшая революционные круги. Тогда выдвинулась энергичная поборница несоциалистического рабочего движения, еврейка Вильбушевич⁴⁷, очерненная социалистами. Она никогда не была сотрудницей ни отделения, ни Зубатова. Тогда же отошла от Бунда и пошла в легализацию группа молодых еврейских писателей, во главе с Волиным⁴⁸, из которых вышли фанатичные поклонники Зубатова. Зубатов внес тогда большой раскол в еврейское социал-демократическое движение, но задуть работу Бунда из Москвы не удалось.

Увлечение марксизмом было в то время повальной болезнью русской интеллигенции, развившейся еще в 90-х годах. Профессура, пресса, молодежь, – всё поклонялось модному богу – Марксу. Марксизм с его социал-демократией считался тем, что избавит не только Россию, но и весь мир от всех зол и несправедливостей и принесет царство правды, мира, счастья и довольства. Марксом зачитывались все, хотя и не все понимали его. Студенческие комнатки и углы украшались портретами «великого учителя», а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта⁴⁹.

Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

⁴⁶ «Независимые» – «Еврейская независимая рабочая партия», создана в 1901 году в Минске по инициативе Зубатова сторонниками полицейского социализма М. Вильбушевич, Ю. Волиным, Г. Шаевичем и др. Партия существовала до 1903 года, имея отделения в Вильне и Одессе. Деятельность партии заключалась в борьбе с социал-демократией, в частности с Бундом – нелегальной еврейской социалистической партией.

⁴⁷ Мария Вульфовна Вильбушевич (Маня Шохат) (1879–1961) – революционерка, дочь купца, идеолог создания коллективных поселений в подмандатной Палестине, позднее ставших кибуцами.

⁴⁸ Ю. С. Волин – один из вождей «Еврейской независимой рабочей партии». Осенью 1902 года поехал в Одессу с целью создания там организации «независимых». Ему удалось организовать «независимую рабочую группу», куда вошло до двадцати человек бывших революционеров. Волин непосредственно был связан с Зубатовым и полицейскими органами, благодаря чему легально устраивал собрания рабочих и вел агитацию за идеи «независимых».

⁴⁹ Вильгельм Мартин Филипп Кристиан Людвиг Либкнехт (1826–1900) – немецкий революционер и парламентский политик, социал-демократ, отец убитого германскими социал-демократами Карла Либкнехта – теоретика марксизма. Либкнехт и Август Бебель создали в 1869 году в Эйзенахе Социал-демократическую рабочую партию.

Само правительство еще так недавно покровительствовало марксизму, давая субсидии через своего сотрудника на издание марксистского журнала. Оно видело в нем противовес страшному террором народовольчеству. Грамотные люди, читая о диктатуре пролетариата Маркса, не видели в ней террора и упускали из виду, что диктатура невозможна без террора, что террор целого класса неизмеримо ужаснее террора группы бомбистов. Читали и не понимали или не хотели понимать того, что значилось черным по белому.

А легальный марксизм⁵⁰ питал идейно подпольную работу социал-демократов Бунда и «Российской» партии и очень облегчал им их задачу пропаганды и, стало быть, содействовал их успеху.

Непонимание нарождающегося врага во всем его значении со стороны центрального правительства не могло не отразиться и на местах. Жандармские управления не знали нового движения, а следовательно, не могли и бороться с ним, да к тому же они не имели на то средств. Кредит того времени на розыск или на т. п. агентурные расходы был мал до смешного.

При таких обстоятельствах Московскому охранному отделению было трудно справиться одному, и оно, нанеся Бунду большой вред, работы его все-таки не прекратило. Но польза тогдашнего похода Москвы на запад все-таки была громадна. Она заключалась в том, что Департаменту полиции было воочию доказано полнейшее отсутствие осведомленности о новом движении у местных органов и полнейшая непригодность их к борьбе с ним.

Между тем в декабре 1900 года появился первый номер «Искры»⁵¹, центрального органа социал-демократии. Одним из основателей ее был Ульянов-Ленин, а деньги на издание первых номеров дал сын члена Государственного совета камер-юнкер Сабуров⁵². Трогательное единение побывавшего в Сибири эмигранта-демагога с украшенным придворным мундиром современным политическим Митрофанушкой!

Слухи о том, что деньги даны кем-то из служилого сословия, породили сплетню, что их дал Витте⁵³, будущий граф. И многие тому верили, так как Витте уже и тогда считали способным на разные эксперименты.

«Ближайшей политической задачей русской рабочей партии, – писала «Искра» в № 1, – должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы... Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса – наша главная и основная задача».

Появление «Искры» и ее полные революционного огня и задора статьи как бы открыли глаза правительству, и оно узрело, наконец, весь вред марксизма, сеявшего классовую рознь

⁵⁰ Термин «легальные марксисты» был введен В. И. Лениным и довольно условен, относится прежде всего к трем экономистам: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановскому и С. Н. Булгакову. Замечают, что для представителей «легального марксизма» увлечение идеями Маркса было недолгим.

⁵¹ «Искра» – нелегальная революционная газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году. Являлась «общерусской политической газетой, подготовившей идейное и организационное сплочение Российской социал-демократической рабочей партии». Редакция «Искры» работала в Мюнхене. 1 ноября 1903 года Ленин вышел из редакции «Искры», газета перешла в руки Г. В. Плеханова и его соратников В. И. Засулич, Ю. О. Мартова, А. Н. Потресова и П. Б. Аксельрода. Таким образом, с 53-го номера «Искра» стала меньшевистской. Издание газеты прекратилось в октябре 1905 года на 112-м номере.

⁵² Андрей Александрович Сабуров (1837–1916) – министр народного просвещения Российской империи, статс-секретарь, действительный тайный советник. Основатель Российского общества защиты женщин, председатель Петроградского дома милосердия.

⁵³ Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – министр путей сообщения, министр финансов, председатель Комитета министров, председатель Совета министров. Действительный тайный советник, член Государственного совета, автор многотомных мемуаров. Добился введения в России «золотого стандарта» – денежной системы, в которой основной единицей расчетов является некоторое стандартизированное количество золота. Способствовал притоку в Россию капиталов из-за рубежа, поощрял инвестиции в железнодорожное строительство (в том числе Великий Сибирский путь). Деятельность Витте привела к резкому ускорению темпов промышленного роста в Российской империи, за что его прозвали «дедушкой русской индустриализации». Противник начала войны с Японией и главный переговорщик со стороны России при заключении Портсмутского мира. Фактический автор манифеста 17 октября 1905 года, который предполагал начало трансформации России в конституционную монархию.

и гражданскую войну, пропагандировавшего царство хама и босяка под именем диктатуры пролетариата. И правительство начало борьбу с социал-демократами более решительными мерами. Но в этой борьбе русское общество ему не помогало. Русская профессура, за малым исключением, и русская пресса, и вообще русская интеллигенция или продолжали низко кланяться своему идолу, или молчали. Изобличением безнравственности марксизма как теории, доказательством вреда и неприемлемости коммунизма к государственной жизни страны никто не занимался. Между тем все известные ныне тезисы коммунизма были и тогда уже налицо и были переведены на русский язык.

* * *

Широко пошло организационное строительство в те годы и у социалистов-революционеров. «Рабочая партия политического освобождения России», о которой упоминалось уже, объединяла из Минска свои еврейские группы в Белостоке, Екатеринославе, Житомире, имела сторонников в Двинске, Бердичеве и Петербурге. Члены этой организации, разгромленные в 1900 году по Минску, уцелели по многим пунктам. Над ними царил Гершуни, сея семена террора.

Работавшие по южной России социалисты-революционеры, после неоднократных неудачных попыток к объединению, соединились, наконец, летом 1900 года на Харьковском съезде в так называемую южную «Партию социалистов-революционеров» и выпустили программный манифест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.